

на грани:
роман-исповедь

МИШЕЛЬ ФРАНСИС

ЧЕРРИ

Тебе не место в нашем доме

Annotation

У Лоры есть все – успешная карьера, богатый муж и чудесный, добрый и талантливый сын – Дэниел. Однажды Дэниел встречается девушку по имени Черри. Черри красива, молода и очень амбициозна. Она входит в их дом в надежде, что ее примут с широко распахнутыми объятиями. Но, похоже, Лоре придется огорчить ее. Ведь она видит, что Черри не та, кем кажется.

Когда с Дэниелом происходит трагедия, Лора в отчаянии решается на страшную, непростительную ложь. Ложь, которая изменит их жизни навсегда.

Мишель Франсис Черри

*Моей маме – за ее любовь к книгам, и моему папе – за то, что
всегда находит для меня слова поддержки.*

«THE GIRLFRIEND»

by Michelle Frances

Печатается с разрешения автора при содействии литературных агентств Sheila
Land Associates Ltd и The Van Lear Agency LLC

© Michelle Frances, 2017

© Шульга Е.Н., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

2 марта, понедельник

Она любит своего сына. Только это сейчас имело значение. И пусть она собиралась сделать нечто непростительное. Но это был первый проблеск надежды за долгие беспросветные месяцы, и Лора не собиралась упускать свой шанс. Она вся извелась, пока приняла окончательное решение, и теперь ее сердце обливалось кровью при мысли о том, что ей предстояло сказать. О словах, которые доконают ее. Такое с ней было впервые. Она хотела сначала проговорить их про себя, но слова... слово отказывалось идти на ум, как будто инстинктивно она отгораживалась от него.

В ванной комнате отдельной больничной палаты сына Лора взглянула на себя в висящее над раковиной зеркало. Оттуда на нее смотрели все те же усталые голубые глаза, и это немного утешало: они не полыхали ядовито-зеленым цветом, зрачки демонически не сузились. Вот только она выглядела изнуренно, и Лора с удивлением обнаружила, как сильно она постарела. Вокруг губ и глаз появились новые морщины. А во взгляде читались боль и бессильное отчаяние, которые так и рвались наружу здесь, в этой дорогостоящей современной больнице, где были лучшие врачи и слабая надежда. На секунду Лора перестала думать о том, что ей предстоит сделать, и вспомнила о том, что скоро произойдет. Боль, пронзившая ей сердце, была такой настоящей, что Лора согнулась пополам, держась за раковину, и истошно взывала. Немного погодя, когда вопль растворился в воздухе, она выпрямилась. Ничего не изменилось.

Сегодня должна была возвращаться Черри. Лора навела справки: самолеты, прилетающие из Мексики, обычно приземлялись в Хитроу ранним утром. Она посмотрела на часы. Сейчас Черри, наверное, уже была у себя дома, в Тутинге.

Лора взяла телефон. В горле встал ком, но она сглотнула его. Скоро она все уладит. Любая мать поступила бы так же, напоминала она себе снова и снова, как заклинание, чтобы не сломиться.

Она осторожно набрала номер. Волнами на нее накатывали то холод, то слабость, подстегиваемые агонией. Ее жизни скоро придет конец. Всему, что имело в ней смысл. Вцепившись в телефон обеими руками, чтобы унять дрожь, она ждала, пока гудки в трубке прекратятся.

За девять месяцев до этого – суббота, 7 июня

И вот этот день настал, и Лора проснулась с радостным предвкушением предстоящих выходных. Она встала и уже оделась, а времени было всего лишь половина восьмого в эту уже жаркую июньскую субботу. Она поднялась в комнату Дэниела, в которой всегда поддерживала чистоту и порядок, пока он учился в медицинском университете, и прислушалась, но за дверью было тихо. Наверное, он еще не проснулся, да и неудивительно, ведь последних пару дней он возвращался домой в такое время, что она уже давно спала. Уже целых два дня, как Дэниел вернулся домой из университета, а она так толком и не видела его. На работе был аврал, и она уходила рано утром, а когда возвращалась, не было уже его. Гулял со старыми друзьями, не иначе. Изголодавшись по общению с сыном, Лора ревновала его к ним. Она хотела слушать его новости, смаковать его рассказы, радоваться за его первые шаги на профессиональном поприще, наслаждаться с ним летними деньками, пока у него не началась интернатура. Сегодняшний день они проведут вдвоем, не отвлекаясь ни на старых друзей, ни на какие срочные доработки в сериале, который она делала для телеканала «Ай Тиви», просиживая за монтажным столом до девяти вечера, – только они, только мать и сын.

Лора с улыбкой на лице приоткрыла дверь. Комната была залита солнечным светом, шторы распахнуты, а постель – заправлена. Она замерла на секунду в растерянности и подумала, что он, наверное, спустился приготовить завтрак. Обрадовавшись, что он, как и она, уже проснулся и был на ногах, Лора окрыленно поспешила на первый этаж их кенсингтонского дома и впорхнула на кухню. Там никого не было. Она огляделась с озадаченным видом и ощутила легкий укол беспокойства. Тогда она увидела на столе блокнотный листок. На листке была нацарапана записка: «В подвале. Буду ГОЛОДЕН!» Она улыбнулась от переизбытка счастья и нежности. Дэниел знал, как она не любила, когда эту часть дома называли подвалом – слово отдавало фальшивой скромностью. Это был полноценный, колоссальных размеров флигель, только пристроен он был не сбоку, а снизу и обошелся ее мужу в сотни тысяч фунтов. И все же, лучше «подвал», чем «пещера», как называл это ее муж. Когда Говард сообщил, что планирует обустроить там себе «пещеру», Лора чуть не рассмеялась от такого абсурдного преуменьшения, вот только она понимала, что это было нужно ему для того, чтобы не видеть ее. Однажды вечером Говард предложил это как бы невзначай и сказал, что им не помешает место, где «каждый сможет иногда уединиться», и она с трудом скрыла удивление и обиду. Они и так почти не виделись – если он не был на работе, он или играл в гольф, или запирался у себя в кабинете. Но он нанял квалифицированных строителей, которые за большие деньги вырыли землю из-под их дома и поместили в образовавшуюся яму игровую комнату, винный погреб, гараж и бассейн. Соседи возмущались громким шумом от конвейера, плевавшемуся щебнем и землей, и всей этой уродующей пейзаж стройкой в целом, извиняться за которую приходилось Лоре. По крайней мере, это было временно, не то что четырехэтажный подземный бункер стального магната, построенного на их улице, из-за которого треснули опорные конструкции соседских домов.

Лора спустилась к бассейну на лифте и, когда гул двигателя смолк, ступила в полусумрак цвета ляпис-лазури. Взрезая подсвеченную воду и оставляя позади себя вспененный след, плыл Дэниел, и как всегда при виде сына на сердце у нее потеплело.

Нередко она смотрела на него и поражалась, как человек может вызывать в другом человеке чувство такого абсолютного и необъяснимого счастья. Она подошла к борту глубокой части бассейна как раз, когда он заканчивал заплыв, и присела на корточки у самой воды.

Дэниел заметил ее, вымахнул из бассейна и крепко прижал мать к себе. С его крепких плеч каскадом стекала вода, и Лора возмущенно пискнула. Дэниел на это и рассчитывал. Улыбнувшись, он продолжал обнимать ее, пока, не в силах противиться, она не обняла его в ответ.

Одежда начала промокать, и она, отодвинувшись в сторону, потеряла потемневшие участки своего желтого платья.

– Вовсе не смешно, – сказала она, но улыбнулась.

– Я же просто обнимаю свою старушку мать.

– Вот еще, старушку.

В душе Лоре было по-прежнему двадцать пять, и она часто смотрела на других женщин, с любопытством наблюдая, как на них надвигается средний возраст, не сразу вспоминая, что принадлежит к тому же поколению. Ее это удивляло, как будто она застряла в некой возрастной амнезии, и еще больше удивляло, когда один взгляд в зеркало подтверждал, что хоть она выглядела и хорошо для своего возраста, ей уже явно было не двадцать пять.

– Да ладно, ты и так нравишься мальчикам и сама об этом знаешь.

Лора улыбнулась. Ей и впрямь было приятно, когда с ней флиртовали друзья Дэниела, когда они приходили в гости и, лениво облакачиваясь на кухонный стол, называли ее «миссис К» и нахваливали ее французские тосты. Давненько она их не видела.

– Как поживают Уилл и Джонни?

– Не знаю.

Дэниел начал вытираться пушистым полотенцем, которые миссис Мор меняла трижды в неделю вне зависимости от того, пользовались ими или нет.

– Разве ты не с ними вчера встречался?

– У них работа, – отмахнулся он и скрылся за узорной деревянной ширмой. – Они меняют мир.

– Это страхованием-то? И я в курсе, что у них работа, я имею в виду по вечерам. Где ты пропадал эти два дня, если не с ребятами?

Из-за ширмы не ответили, и Лора не видела, как украдкой улыбается чему-то своему Дэниел. Он не собирался так сразу во всем признаваться, но ему вдруг захотелось поделиться новостями. Нет, подробности он оставит при себе, а расскажет самую малость, только избранное, чтобы в процессе с наслаждением пережить эти моменты заново.

– Эй! – Лора стояла у края ширмы и отказывалась сходить с места. Скрестив руки, она ждала ответа на свой вопрос. – Ты все равно уже почти оделся.

Она с любовью смотрела на него, пока он натягивал шорты поверх плавок и футболку, гордясь тем, что ее гены воплотились в таком красивом молодом человеке. Не без участия Говарда, конечно, но внешне их сын пошел в мать. Тот же рост, та же волнистая светлая шевелюра, то же атлетическое строение. Вместо того чтобы дать ей ответ, которого она дожидалась, он лукаво усмехнулся и направился к лифту.

Она ахнула.

– Не смей нажимать на кнопку.

– Ты идешь?

Лора подошла и в шутку ущипнула его за ухо.

– Ты мне все равно ответишь.

Лифт начал подъем.

– Ой-ой. Давай сходим куда-нибудь позавтракать?

Она приподняла бровь.

– Для ответа тебе нужна особая обстановка?

Лифт открылся, Дэниел взял ее за руку и повел по коридору в просторную кухню с мебелью из гранита и дуба.

– Я просто хочу побаловать свою маму.

– Ах ты, льстец. Но прежде дай мне подсказку. Я не выдержу столько ждать, – стояла она на своем.

Дэниел налил большой стакан сока из холодильника.

– Я начал подыскивать себе квартиру. На будущее, когда начнется интернатура в больнице.

Лора вздохнула.

– И я никак не могу уговорить тебя остаться?

– Ах, мам... Я уже пять лет как бываю дома только по праздникам, и то не всем.

Не то чтобы Дэниел вел активную светскую жизнь, но, как и любой двадцатитрехлетний парень, он ценил личное пространство и не горел желанием провести следующие годы в доме своего детства, даже несмотря на бассейн в подвале.

– Ну, хорошо, хорошо. Значит, ты смотрел квартиры. По ночам?

Он расплылся в улыбке.

– У меня есть свой риелтор.

Все вмиг встало на свои места.

– Девушка?

– Она исполнительная и точно знает, что мне нужно.

– Девушка!

– Ты так говоришь, как будто у меня никогда не было девушки.

– Но эта особенная, – заявила Лора уверенно.

– Как ты догадалась?

– Ты виделся с ней и вчера, и позавчера, верно?

– Да...

– И вы только познакомились! Все как нельзя лучше. У нас как раз целый день впереди. Как ее зовут?

Ее энтузиазм развеселил Дэниела.

– Черри.

– Как вишенка! Спелая, наливная ягодка.

– Что?

– Чужестранка?

– Ну, у нее темные волосы... – Он выставил ладонь перед собой и покачал головой. – Поверить не могу, что говорю это.

Лора ухватила его за руку.

– Нет, нет, только не молчи. Я хочу все про нее знать. Откуда она?

– Из Тутинга.

– И впрямь чужестранка! Извини! Это была шутка. Больше не буду. – Лора в знак раскаяния поцеловала ему руку. – Значит, она риелтор?

– Да. Точнее, пока только стажер. Она совсем недавно начала.

– И работает у нас, в Кенсингтоне?

– Ей хотелось работать с хорошим жильем. – Дэниел присел на край стола. – Она сделала вид, что планирует переезжать в Кенсингтон, и разведала все про район. Перед тем как устраиваться на работу, она отсмотрела двадцать семь квартир с другими агентствами. Убедилась, что сможет общаться с потенциальными клиентами и обсуждать недвижимость со знанием дела. – Он рассмеялся. – Вот это я понимаю – предпринимательский дух. Ну, а потом она... пошла на дерзость и соврала в резюме. Приукрасила, во всяком случае. Сделала все, чтобы произвести впечатление «подходящей девушки».

Лора улыбнулась, хотя что-то в этой Черри показалось ей смутно угрожающим. Что было совершенно безосновательно, ведь Лора не имела никакого отношения к этой сфере деятельности и не была ее начальницей. Она похлопала Дэниела по колену тыльной стороной ладони.

– Пойдем же, мне казалось, ты приглашал меня на завтрак.

Он подскочил и подставил ей локоть.

– С превеликим удовольствием.

Он хотел побаловать маму, поухаживать за ней, побыть для нее таким сыном, которым она любила похвастаться, о чем Дэниел прекрасно знал и даже смущался этого. Они посидят в ресторанчике, мама будет в хорошем настроении от приятной беседы, и он не сомневался, что тоже хорошо проведет время. К тому же его грызло чувство долга, потребность искупить вину за то, что скоро ему придется огорчить ее. Дэниелу было совестно, и его новый секрет оставлял неприятное послевкусие. Он еще не успел сказать маме, что сегодня им придется разойтись пораньше. Вечером у него снова было свидание с Черри.

Двумя днями ранее, четверг, 5 июня

С самого детства Дэниел всегда получал все только самое лучшее, и, наверное, поэтому материальные ценности никогда не представляли для него особого интереса. Дэниел был неглуп, у него были средства для первоклассного образования, и это было удачное сочетание, означавшее, что ему нравилось в школе, а школе нравился он. Он проявил особую склонность к наукам, чем осчастливил как родителей, так и преподавателей, особенно после того, как его пригласили изучать медицину в Кембридже. В качестве поощрения за академические успехи Дэниел устроил себе каникулы, которые все сочли необходимостью. Он встал на лыжи, занялся дайвингом и повидал мир. Все приносило ему удовольствие, и ко всему он относился с интересом, чему не могли нарадоваться его родители. Но вопреки тому, что его осыпали всем, чего только может желать юноша, ему удавалось оставаться неизбалованным. Его восторг при виде Великой Китайской стены был искренним, и хотя он не стал бы отказываться от комфорта первого класса обратного авиарейса, приземлившись в Хитроу, он спустился в метро, а не бросился звонить отцовскому шоферу, чтобы тот его подобрал. Его непритязательность распространялась и на манеру одеваться и выражалась в нездоровой привязанности к вещам, давно отслужившим свой срок. Однажды по приезде из университета домой он нашел свои штаны в мусорной корзине, куда выбросила их миссис Мор. Он спрятал их, со всеми их дырками, в боковом кармане дорожной сумки. Эти штаны успели стать ему родными, и он не собирался с ними разлучаться.

Так он и переступил порог элитного агентства недвижимости на одной из самых элитных улиц Лондона, которое занималось только элитными квартирами, одетый в линялую футболку и шорты карго, протертые до дыр на стыках швов и карманов.

– Мне нужна квартира, – улыбнулся он девушке, которая неуверенно встретила его у дверей.

– Вы покупаете или снимаете?

– Снимаю.

И его проводили к одному из больших и блестящих деревянных столов, за которым склонилась темноволосая девушка, изучая какие-то бумаги.

– Чем я могу вам помочь?

Когда она подняла на него глаза и улыбнулась вежливо-профессиональной улыбкой, он непроизвольно улыбнулся ей в ответ, и поиск квартиры внезапно стал казаться ему весьма привлекательной перспективой. Когда она шевелила головой, копна прямых черных как смоль волос колыхалась вокруг ее лица.

– Я ищу квартиру.

Глаза у нее тоже были темно-синие, как бездонные озера. От Дэниела не укрылось, как она окинула оценивающим взглядом его потрепанные шорты и футболку.

– Сколько комнат? Интересует ли вас какой-то конкретный район?

– Три комнаты, – решил он на ходу, подумав, что дополнительная комната пригодится ему под кабинет. Сегодня утром по дороге из Кембриджа он не успел обдумать, что конкретно ему нужно. Но он бродил по родительскому дому и понимал, что если он успеет там хорошенько обосноваться, то мама обязательно станет уговаривать его остаться навсегда. Лучше не откладывать этот вопрос в долгий ящик. Будет нечестно с его стороны

давать ей ложные надежды.

– А район?

И снова Дэниел услышал в ее голосе сомнение в том, не ошибся ли он адресом. В районах Кенсингтона и Челси не было дешевых мест, были только неприлично дорогие. Он и сам знал, что не похож на человека, у которого найдется лишних четыре тысячи с мелочью.

– Черри Лейн.

Девушка натянула на лицо улыбку. Она была недовольна им, но не выходила за рамки профессионализма.

– Здесь нет улиц с таким названием.

– Что вы, нет, я вовсе не издеваюсь. – Он указал на табличку с ее именем, набранным черными буквами на медном фоне, и улыбнулся. – С таким именем вам бы работать где-нибудь в регионе Котсуолдса, поближе к природе.

Она пристально посмотрела на него, после чего развернула к нему свой айпад.

– Мы можем предложить вам четыре места, соответствующие вашим требованиям. Первая квартира всего в паре минут от метро «Найтсбридж»...

– Давайте смотреть.

Она замолчала и щелкнула по экрану.

– Отлично. Следующая...

– И ее давайте.

– Я еще ничего не сказала.

Дэниелу нравилось видеть ее непонимание, что о нем думать. Наверняка большинство здешних клиентов высокомерно заваливали ее своими претензиями к тому, каким должно быть их жилье, чтобы оно безукоризненно удовлетворяло любые их прихоти. Они, должно быть, вкладывали много сил и стараний в поиски идеального места, что казалось Дэниелу чудовищной тратой времени. Чем быстрее вопрос будет решен, тем лучше.

– И остальные тоже.

– Вы куда-то торопитесь?

– Полагаю, по такой цене они все в хорошем состоянии?

– Разумеется, это отличные...

– Ну вот. Я ищу место, где можно жить, и я уверен, любая из выбранных вами квартир будет отличным для меня вариантом. Ну так что, пойдём и посмотрим на них?

Ее пальцы запорхали по экрану.

– Мне еще нужно договориться о просмотрах.

– Тогда чуть позже? – Дэниел улыбнулся. – Будьте уверены, я абсолютно непривередливый клиент. Обещаю к ужину определиться с выбором. На показах со мной будете вы, не так ли?

Она посмотрела на него еще раз, убеждая себя, что перед ней не какой-нибудь психопат.

– Да, – ответила она твердо. – Я.

На этот раз он был умнее, отметила Черри. После того, как он утром пришел к ним в офис, он переоделся в темно-синие слаксы и светло-голубую рубашку, а еще послушно ходил за ней по квартире второго этажа и мало говорил. Они вышли из комнаты.

– Как видите, во всех комнатах постелены деревянные полы, и одно из главных преимуществ квартиры – это, конечно же, холл.

Он окинул помещение взглядом.

– А что в нем особенного?

– Особенного – ничего. Он есть.

Дэниел подумал: что же это за жизнь, если даже когда ты платишь четыре тысячи двести фунтов в неделю, холл считается приятным бонусом, – но не хотел обижать ее такими словами. Все-таки он и сам был косвенно виновен – он же осматривал этот холл.

– А это гостиная, – сказала она, указывая на другую комнату.

Он заглянул туда.

– Хороший диван. Такой желтый.

– Лимонно-желтый, – поправила девушка.

Он усмехнулся себе под нос и пошел за ней по вожделенному холлу, сначала поглядывая по сторонам, не упустил ли чего, но потом решил обратить внимание на Черри. Ему нравилась ее походка – прицельная, словно она не выпускала из головы мысли о том, куда и зачем направляется. Дэниел подумал, что эта решимость должна была распространяться и на другие стороны ее жизни, и он поймал себя на мысли, что хочет больше узнать о них. В этот момент Черри повернулась к нему и увидела, что он смотрит на нее. Она остановилась и скрестила руки на груди.

– Кухня – здесь, – кивнула она, очевидно, намекая, чтобы он входил первым.

– Простите, я не пялился на вашу попу.

От такой бесцеремонности глаза у нее полезли на лоб.

– Вас в самом деле интересует квартира?

Он мог быть каким угодно обаятельным, но Черри терпеть не могла людей, которые тратят ее время попусту. И у нее глаз на них был наметан – она сама недавно была такой же. Только у нее на это была причина, ведь для нее все было средством для достижения конечной цели.

– Да, – тут же сказал он, чтобы успокоить ее. – Беру!

– Но мы не видели остальные. – Он не успел ответить, когда она жестом остановила его и не смогла сдержать улыбки. – Вам больше и не нужно, я угадала?

– Мы могли бы провести это время и поинтереснее.

Она собралась с духом, понимая, что последует дальше.

– Вы свободны сегодня? Могу ли я пригласить вас на обед?

Черри всегда забавляло, когда богатеи называли ужин обедом, как будто они до сих пор находились в своих частных школах. Зато это вселяло в нее уверенность, что он действительно может позволить себе квартиру, которую он только что так беспечно предложил взять в аренду. Это был ее последний просмотр на сегодня: остальные были назначены на утро. Черри оставалось только вернуть ключи в офис, и вечер был в ее распоряжении. Она подумала о программе на вечер: поездка домой в душном метро, развозившем рабочий класс по всем районам южного Лондона, которые теряли в благополучности по мере опустения вагонов. Ей вечно казалось, что ее оставляют на задворках, как бедную родственницу, к тому времени, как она достигала «Тутинг-Бродвея», но, думала Черри с содроганием, все же она жила не на самом конце ветки. Потом ее ожидала быстрая остановка в местном супермаркете, где она купит себе ужин, после чего вернется в свою крошечную квартиру без холла. Она повесит свой драгоценный костюм рядом с остальными – самыми ценными ее вещами – и наверняка проведет остаток вечера, изучая недвижимость по интернету, мечтая о том, когда же она наконец выберется отсюда. Она посмотрела на молодого человека. Он ей нравился, нравилось его беззаботное

поведение. Он не был похож на ее обычных клиентов, которые отказывались от квартиры потому, что в ванной был хром, а не латун, даже если все остальное было идеально, утверждая, что так жить нет никакой возможности, как будто речь шла о какой-то заразе. Почему бы и не сходить с ним *на обед*, рассудила Черри. Она ведь для того и приложила такие усилия, чтобы получить работу в этой части города.

Суббота, 7 июня

Лора сидела за столом на своем обычном месте, напротив мужа, и ковырялась в тарелке салата с обжаренными кусочками курицы. Все окна в их просторной солнечной столовой были распахнуты, но обстановка все равно казалась гнетущей. Незадолго до ужина она нежилась в саду под гигантским зонтом, рядом с ней растянулся в шезлонге Дэниел и отвечал на ее вопросы с закрытыми против солнца глазами, тихонько посмеиваясь над ее нетерпением разузнать все о Черри, а она любовалась сыном, пользуясь тем, что он не видит. А потом, только она собралась уходить готовить, Дэниел вдруг открыл глаза и сел с неловкостью на лице.

– Я тут хотел сказать...

Улыбаясь, она повернулась к нему.

– Я вроде как пообещал Черри... Мы с ней идем сегодня на концерт. В парке. Прости, я знаю, что обещал остаться с тобой и папой...

Лора поспешно проглотила разочарование и отмахнулась от его извинений, отпуская его с наставлением хорошо провести время.

Она обвела взглядом пустой полированный обеденный стол на десять персон, с краю которого, как на терпящем крушение корабле, теснились они с Говардом, и вдруг почувствовала колоссальное раздражение из-за странной манеры, в которой они сидели, следуя какому-то отжившему свое обычаю, так давно, что уже не обращали на это внимания. Она повернулась к мужу. Тот не замечал ни пустой стол, ни духоту, ни молчание между ними, потому что читал сегодняшней «Телеграф», подняв очки на лоб, и параллельно набивал рот салатом и молодым картофелем. Говард весь день отсутствовал – к этому она привыкла, – но сейчас, когда он был дома, Лора хотела поговорить с ним. Ее голос вклинился в звуки ножа, звякавшего о фарфоровую тарелку, и в Моцарта, звучащего на заднем плане, и ей самой показался чужим.

– Что-нибудь интересное?

Говард ответил, не поднимая головы:

– Просто гольф.

Гольф. Ее это задело. Гольф был одной из редких вещей, которые до сих пор делали его счастливым. Гольф и, конечно же, Марианна. Лора никогда не знала достоверно, где он проводил время. Он всегда говорил, что играл в гольф: по субботам, по воскресеньям, будними вечерами, если удавалось освободиться на работе, – но Лора знала, чувствовала, что он возвращался чуточку окрыленным, тая в себе тихое счастье от того, что он был с ней. Это не было неожиданностью само по себе – неожиданно было двадцать лет назад, когда она впервые узнала об интрижке. Миссис Мор тогда выпотрошила его карманы перед тем, как нести костюмы в химчистку, и оставила на кухонном столе квитанции. Лора увидела их за завтраком, когда Говард уже ушел на работу, и она была твердо уверена, что не получала этих цветов и не обедала в ресторане в прошлую субботу. Сначала он все отрицал, ясное дело, но Лора уже знала, и в конце концов он сторяча во всем сознался – как будто это она была виновата.

– Ладно, это правда. Теперь ты довольна?

Какой выбор слов... Конечно, она не была довольна – ее жизнь только что рассыпалась

прахом, к тому же она обнаружила, что роман длится уже два года, и они влюблены. Но Марианна была замужем, и у нее тоже были маленькие дети, и она не хотела разбивать семью. Лора подумывала о том, чтобы бросить мужа – деньги у нее были, так что она бы справилась, но нужно было думать о Дэниеле. А Говард в приступе чувств пообещал порвать с ней, потому что не хотел бросать сына, который был совсем еще ребенком, и Лора простила его. С тех пор все изменилось. Говард несколько недель ходил мрачнее тучи, работал допоздна и почти не разговаривал, и вся ирония была в том, что он совсем не видел Дэниела. Так они и жили. Говард ходил на работу, Лора воспитывала их сына. Ей было не привыкать к одиночеству. Свое детство она провела с чередой нянь, пока ее мать ходила по вечеринкам, а отец – работал. Она была единственным ребенком в семье – заводить еще детей было слишком обременительно. Лора мечтала о хороших отношениях со своей матерью, но этому не суждено было случиться, а сейчас ее родители давно уже были мертвы. Решительно вознамерившись, чтобы Дэниел никогда не чувствовал себя покинутым, как она когда-то, Лора похоронила боль от измены Говарда в светлых чувствах к сыну: его секции, его праздники, его друзья. Их отношения крепили, и Говард стал чувствовать себя лишним. Ему стало еще сложнее находиться дома, он стал работать еще больше, и неприязнь его росла. Чувствуя себя выброшенным на обочину, он стал резок с Лорой и критиковал ее воспитательные методы, когда Дэниел плакал, не узнавая человека, который брал его на руки в выходные.

А однажды вечером, когда Дэниел уже поступил в университет, а Лора сидела дома, Говард отправился выпить.

– Просто знакомый из клуба, – сказал он.

Злая шутка дошла до нее неожиданно, когда она набирала воду в чайник, резким внезапным ударом под дых, и Лора выронила чайник в раковину, еле находя силы дышать. Потому что она вдруг осознала, кем был этот знакомый из клуба. Их дети выросли, и Марианна вернулась. А потом Лора вспомнила, что он встречался со знакомым из клуба и на прошлой неделе, а дальше она уже не помнила, но продолжала испуганно рыться в воспоминаниях. Когда острота прозрения отступила, остались только усталость и бессилие, потому что Лоре стало понятно, что они все еще любили друг друга. «Гольф» постепенно стал занимать целые выходные, и она видела мужа все реже и реже. Время от времени Лора задавалась мыслью предложить ему развестись, но и это было теперь не так уж важно. Горькая обида ее молодости давным-давно уступила место одиночеству, и хоть Лора и понимала, что причиной этого одиночества был он, она боялась, что разрыв отношений только растеребит старую рану. И она предпочла посвятить себя другим заботам.

– Дэниела сегодня снова не будет.

– Я так и понял.

– Третий вечер подряд.

– Он взрослый человек, – хмыкнул он, не отрываясь от газеты.

Лора не дала выхода чувству досады.

– Да, разумеется. Он с девушкой.

Наконец-то Говард посмотрел на нее.

– Молодец.

Она улыбнулась.

– Кажется, он совершенно потерял голову. Они познакомились всего три дня назад. И с тех пор каждый день встречаются.

– К чему ты клонишь?

– Ну что ты, Говард. Разве тебе не интересно, кто так покорила нашего сына?

– Очевидно, тебе интересно.

– Напишу-ка я ему эсэмэс.

– Не смей, – отрубил он.

Лора обиженно замерла, не донеся вилку до рта.

– Я пошутила.

– Оставь его в покое. В кои-то веки ты не знаешь, что происходит в его жизни, и тебе уже неинтересно. Не лезь.

– Я и не лезу, – пробормотала она, и ей вдруг захотелось уйти. Лора отложила салфетку и встала из-за стола. Она собралась отнести тарелку на кухню, как вдруг...

– Ты одержимая, – это было сказано резко, грубо. – Собственница.

Она застыла как вкопанная.

Никто из них не проронил ни слова, а потом Говард встал и вышел из комнаты.

Лора так и осталась стоять с тарелкой в руках. На глаза навернулись слезы, не только из-за внезапного обвинения, но из-за того, каким взглядом он наградил ее перед уходом. В этом взгляде читалась глубокая, полная презрения неприязнь. Лора присела на секунду, а потом, словно в попытке отряхнуть с себя его слова, резко встала и направилась на кухню. У нее и в мыслях не было догонять его – он уединился в кабинете, да она и сама не была готова препираться – не было настроения ссориться.

Тарелка зазвенела, стукнувшись о поверхность стола, и Лора вскипела от негодования после слов мужа. Это *он* устранился из их жизни на все эти годы. Что он мог знать о титаническом труде, который требовался для воспитания ребенка? Об этой всепоглощающей заботе о крошечном еще младенце, о вечном недосыпании, подтирании щек, рук, поп, столов, стульчиков, ты их только три, три, три. О невозможности сходить в туалет в одиночестве, о непоколебимой уверенности в том, что одно твое объятие снимет боль со всех синяков и шишек, поэтому ты всегда должна быть готова предоставить эти объятия. О чехарде из психологии, шуток и прочих ухищрений, к которым приходится прибегать с маленьким ребенком, чтобы дожить до вечера. Ему-то никогда не приходилось иметь с этим дела, не приходилось страдать от душераздирающего плача, если ребенок не хотел идти в свою комнату, и выяснять причину слез, когда четырехлетний ребенок не мог внятно объяснить, почему боится заводить новых друзей. Ему не приходилось выбирать между спортивными секциями, кружками, детскими праздниками, искать золотую середину между поощрением самостоятельности, не заставляя его при этом чувствовать себя брошенным, или справляться с ночными кошмарами после внезапного фатального дедушкиного сердечного приступа. Что он мог знать об этом? Находясь в бешенстве из-за возмутительной слепоты мужа, она налила себе бокал вина, и гнев поутих. Никто не мог этого знать, никто, только родная мать.

Лора взяла бокал и книгу, лежавшую на полочке возле холодильника, и вышла в сумеречный сад. Жасмин благоухал сотнями мелких белых цветков, похожих на звездочки, едва распустившихся на заре июня месяца. Она зажгла citronellовые свечи, на которые вскоре слетелась любопытная мошкара. Устроившись на садовых качелях, она погрузилась в размышления. Странно было думать, что они с Дэниелом всю жизнь были практически вдвоем, а теперь он готовился оставить ее навсегда. Перед глазами неожиданно возникла сцена, которую он любил разыгрывать, когда ему было три года. Он притворялся щенком и

прыгал вокруг нее.

– Гав! – говорил он. – Тебе нравится щенок?

– Замечательный щенок.

– Если хочешь, можешь оставить его себе.

– Правда?

– Насовсем-насовсем, – и он крепко обнимал ее за шею.

Пришел, жалобно мяуча, кот с ошестиненным, как ершик, хвостом. Приглядевшись, Лора заметила лису, которая вынюхивала что-то у большого непрозрачного окна в земле, которое служило частью крыши их подземного бассейна. Моисей запрыгнул к ней на колени и остался стоять, не прекращая мяукать и ждать своего спасения. Изначально она взяла кота для Дэниела, когда ему было девять, чтобы научить сына заботиться о питомце. Это был мелкий сероглазый бирманский кот, к которому она со временем очень привязалась. Лора подобрала с земли камушек и швырнула в сторону лисицы. Лис Лора терпеть не могла – она побаивалась этих умных и бесстыжих животных. Недавно в утренней радиопередаче был звонок от взбудораженной женщины, которая в расстроенных чувствах рассказывала, как лиса бесцеремонно вошла с незапертого черного входа и забралась в колыбельку ее малыша прямо среди бела дня. Лору передернуло от мысли, что такое могло случиться с маленьким Дэниелом – она бы, наверное, размозжила животному голову прямо у порога. «Три вечера подряд», – думала она с улыбкой. Разве можно встречаться с человеком три вечера подряд вот так, ни с того ни с сего? Что такого особенного было в этой девушке? С Черри ее мысли перекинулись на другую девочку – девочку немногим старше Дэниела. Роза была Лориным первенцем, чудесной малышкой, которая ела и спала точно по расписанию с самого первого своего вдоха. Почему она так и удивилась, когда девочка отказалась от бутылочки. Когда спустя четыре часа она отказалась есть еще раз, Лора забеспокоилась и показала ее врачу. Врач только взглянул на нее и тут же направил в больницу. У девочки обнаружили стрептококк – она подхватила инфекцию в родовых путях матери. Сутки спустя врачи сообщили родителям, что Роза умирает, и еще два часа спустя она умерла у Лоры на руках. Ей было семь дней.

Чувство вины чуть не разрушило Лору и их семью. Она без конца гадала, удалось бы спасти Розу или нет, если бы она обратилась к врачу сразу, как только она отказалась от еды в первый раз. Их обоих спасла ее вторая беременность. Десять месяцев спустя, когда на свет появился Дэниел, Лора поклялась всем высшим силам, которые готовы были выслушать ее, что посвятит всю жизнь этому крошечному существу и никогда не допустит, чтобы с ним что-то случилось. И взамен попросила, чтобы они хранили его.

Лиса убежала, и кот расслабился. Он мягко улегся Лоре на колени и облегченно прикрыл глаза. Лора погладила его по спинке. Моисей изредка поглядывал на мельтешащую кошечку, но то ли с возрастом обленился, то ли слишком устал, чтобы заняться ею. Лора тихонько покачивалась на качелях и с теплотой думала о девушке, с которой еще не была знакома, о девушке, которая была всего на пару лет младше ее собственной дочери, будь Роза жива.

Суббота, 7 июня

Черри никогда не ходила на три свидания подряд. Они шли по Гайд-парку, миновав золотой Мемориал принца Альберта и озеро Серпентайн. У Дэниела за плечами висела плетеная корзинка для пикника, а Черри несла в руках плед. Материал грел ее кожу, и Черри старалась держать плед так, чтобы он не прикасался к телу. Палящий знойный день перетекал в спокойный, будто курортный вечер. Было пока светло – темнеть не начнет еще по меньшей мере часа четыре – и в парке гуляли толпы людей, охваченных спонтанными псевдо-отпускными радужными настроениями. Черри начинало нравиться. Они с Дэниелом прошли мимо нескольких влюбленных парочек, где было место и неловким паузам, и приступам чрезмерной учтивости, и зарождающимся незримым связям. Черри знала, что Дэниел собирался стать кардиологом, любил кататься на велосипеде и писал левой рукой, а ел – правой. Дэниел знал, что Черри любила клубнику и не любила клубничное варенье, что ее отец скончался, когда она была подростком, и они жили вдвоем с мамой, с которой Черри редко виделась, потому что мама много работала.

Она умолчала о том, что жили они в захудалой части Кройдона, где улицы вечно были завалены пивными банками, металлоломом, старой мебелью, от которой оставались одни голые каркасы с торчащими кое-где комьями грязной набивки, и прочей рухлядью. Лишних денег в семье Черри никогда не водилось, а после смерти отца их стало еще меньше. Какая беспечность, какой эгоизм с его стороны – не застраховать свою жизнь. Ее матери пришлось устроиться на полный день в гигантский гипермаркет на окраине города, чтобы не потерять жилье, и финансовая жизнь Черри вдруг рухнула: дешевое и сердитое заменилось поношенным, каникулы были исключены, если не считать отдельных однодневных вылазок на пляж, начались унижения в школе. Черри не смогла заплатить за ежегодную фотографию класса, и когда все ее друзья строились в ряд и весело спорили, кто будет стоять рядом с кем в этом году, она одиноко стояла в стороне, стораая со стыда. Черри ненавидела нищету. Но нет, обо всем этом она умолчала, отделавшись общими фразами о том, что она родом из Суррея, частью которого и был Кройдон, правда, много веков назад. Они продолжали рассказывать друг о друге, и чем больше они узнавали, тем легче шел разговор, и вот они уже шутили между собой, и теплый юмор только укреплял их свежую связь. Их первый поцелуй уже состоялся и был весьма приятным, да и вообще Черри находила Дэниела очень и очень привлекательным.

Они подошли к огороженной территории, где проходил сегодняшний концерт. Дэниел показал билеты, которые ему чудом удалось приобрести перед самым мероприятием, и их пропустили внутрь. Вместе с толпой они вышли на зеленую площадку для зрителей, и она доверила Дэниелу выбрать место с хорошим видом на сцену. Он расстелил плед, и она села, вытянув перед собой длинные, тронутые загаром ноги. Черри обратила внимание, что многие принесли с собой складные стулья, и слегка расстроилась, что у них таких не было. Она подозревала, что несколько часов сидения на твердой земле не пройдут даром, но Лондонский симфонический оркестр уже настраивал свои инструменты, и Черри постаралась выбросить плохие мысли из головы.

– В детстве мы приходили сюда каждый год, – рассказывал Дэниел. – Устраивали чаепитие. Так мама приучала меня к классической музыке.

Значит, для Дэниела в детстве районным парком был Гайд-парк. Небо и земля по сравнению с тем, где выросла она: выцветшее проржавленное нагромождение гимнастических снарядов с облупившейся краской. Вокруг них, как плесень, которую никак не удастся вывести до конца, вечно ошивались полумертвые подростки. Черри ни разу не была на симфонических концертах, но иногда она слушала радио «Классик FM». Она решила проверить его на прочность этим фактом.

– Мой первый концерт классической музыки, – призналась она.

Он в ответ лишь махнул рукой.

– Поверь мне на слово, ты ничего не потеряла. Во всяком случае, в детстве я совсем этого не ценил. А вот когда тебе стукнуло двадцать, самое время учиться наслаждаться классикой – это закон.

Оставшись довольной результатом, Черри улыбнулась. Похоже, он не станет осуждать ее за пробелы в образовании, а значит, можно вздохнуть спокойно. Если она где-то оступится или чего-то не поймет, он, возможно, не отвернется от нее за это.

– Значит, – ответила она, принимая у него из рук обязательный для ситуации пластиковый стаканчик охлажденного шабли, – мы вовремя успели.

– У всего фестиваля такая привлекательная программа. Что ты делаешь в первую пятницу июля?

Она стала вспоминать, что слышала о «Променадных концертах» по радио, и быстро сообразила, что он имел в виду.

– Стою в Альберт-холле под британским флагом?

– Там и встретимся, – усмехнулся Дэниел, и они переглянулись, радуясь тому, что запланировали что-то на будущее, и оба ждали этого с одинаковым нетерпением. А потом грянул оркестр, и Черри засмотрелась на скрипачей, которые упоенно водили смычками в унисон друг другу, вкладывая в музыку всю душу. По коже у нее побежали мурашки, она повернулась к Дэниелу и улыбнулась так, что у того перехватило дыхание.

– Хотела бы я иметь такой талант, – прошептала она с восторгом и вновь обратила внимание на сцену.

Дэниел то и дело поглядывал на Черри, пока она не сводила глаз с оркестра. Ему нравилось, что она ко всему проявляла живой интерес – это было для него в новинку. Других девушек – бывших подруг или сестер однокашников было не просто удивить, а порадовать и того сложнее, и Дэниел в их обществе нередко начинал казаться себе циником. Черри нельзя было назвать неотесанной, просто она не росла с детства тепличным цветком, и Дэниел обнаружил, что в ее компании он мог просто получать удовольствие от концерта классической музыки, на которых был уже несчетное число раз. Его внезапно одолело желание познакомиться ее и с другими вещами: музеями, хорошим кино, поездками на море и даже путешествиями за границу, – и лето сразу наполнилось новыми надеждами.

Под симфонию Моцарта, которая то несла ее ввысь, то опускала на землю, Черри чувствовала на себе пристальный взгляд Дэниела и ничего не имела против. Ей нравилось обращать на себя внимание, а внимание приличного человека было приятно вдвойне. Только однажды она становилась объектом такого интереса. Последний раз она видела Николаса Брэндона больше восьми месяцев назад, но она помнила его лицо так, как будто он стоял прямо перед ней. Черри тогда вытащила старую подружку по школе пропустить по стаканчику (сославшись на то, что они с ней давно не виделись) и предложила дорогой секретный коктейль-бар подалее от их домов. Черри вошла, следом – ее подруга, громко

воскликнувшая от восторга при виде обстановки, и, как она и рассчитывала, увидела Николаса. Она достала из сумочки деньги.

– Купи нам по коктейлю. Я отойду в туалет.

Подруга направилась к бару, а Черри – к Николасу. Когда она была в паре шагов от него, он поднял на нее глаза и был застигнут врасплох. Его виноватый взгляд приносил ей одновременно и удовольствие, и боль. Николас был старшим сыном телевизионного магната и недавно начал слушать в Оксфорде курс лекций по экономике, в преддверии другого обучения, которое он получит под началом своего отца. Ему ведь было суждено унаследовать семейный бизнес. Он вырос в Уэбб-истейт, огороженном и охраняемом земельном владении на самом юге Кройдона, где строились многомиллионные особняки и царили вековые правила, вроде запретов на ношение шорт и сушку белья во дворе.

Черри отметила, как он стал озираться по сторонам, словно пытаясь делать вид, что не замечал ее, но она ни за что на свете не позволила бы ему отвертеться. Она приблизилась вплотную к его столику, лишая его возможности игнорировать ее.

– Привет, – сказал он с напускным удивлением.

– И тебе привет. Не думала, что встречу здесь тебя.

– Конец семестра. Сдал экзамены на прошлой неделе.

Черри это знала, потому что проверила расписание рождественских каникул на сайте университета.

– Так ты... все еще ходишь сюда? – поинтересовался он.

Это было их место, Николас привел ее сюда на первом свидании, и Черри помнила, как они держались за руки под столом и строили планы на будущее, когда он уедет учиться. Она была готова изменить свой график, чтобы больше не работать по выходным в пиццерии, где они познакомились, а вместо этого навещать его в Оксфорде. Тогда ей не приходило в голову, что все эти планы были подстроены под него, а не под нее.

– В последний раз, скорее всего. Я переезжаю.

– Вот оно что. Куда?

– В Кенсингтон. – В этом была доля правды.

– Серьезно?

Слегка недоверчивая улыбка тронула его губы, как будто она наверняка напутала и забыла, где на самом деле находится Кенсингтон.

– Что, скажешь, я не подхожу?

Он поморщился и отвернулся.

– Я не в этом смысле.

– Нет? А то я помню, как ты сказал, что твои родители предъявляют к тебе определенные требования, которых ты якобы не разделяешь, но выбора у тебя нет, если ты хочешь однажды получить управление отцовским бизнесом.

Черри перевела взгляд на привлекательную длинноволосую блондинку, которая подошла к столику Николаса, вернувшись со стороны туалетов, с сосредоточенным выражением на лице. Черри застыла как вкопанная, ее сердце бешено заколотилось. А он времени зря не терял. Такая девушка точно понравится родителям, девушка при деньгах, с хорошей родословной, хорошими связями.

– Все в порядке? – спросила она с сомнением, переводя взгляд с Черри на Николаса.

– В полном, – быстро ответил тот.

– Держи, твой яблочный мартины.

Вернулась подруга и протянула Черри бокал. Николас поднял на нее глаза, и Черри пожалела о своем выборе – именно Николас впервые угостил ее этим коктейлем. Она быстро повернулась к ним спиной и, уже уходя, слышала, как блондинка вполголоса начала засыпать его вопросами о ней. Черри добралась до бара и, обернувшись, увидела, как они сидели в обнимку и Николас потихоньку уговаривал девушку допивать, чтобы они могли уйти, и ей очень захотелось не быть той, кого оставили позади. Черри залпом выпила коктейль, схватила подругу за руку и сообщила ей, что они уходят.

Внезапный разрыв отношений в конце лета закалил ее, и у нее стал зреть план, в гениальности которого она не сомневалась. План, который должен был кардинально изменить ее жизнь. Черри всегда была способной ученицей, даже чересчур, по меркам перегруженных работой учителей средней школы, которые могли только задать ей новые упражнения и отпустить на все четыре стороны. Когда она окончила школу на все пятерки, она не знала, чем хотела заниматься дальше. Она устала от безденежья, и ей претила мысль еще два года тянуть эту лямку и выслуживаться ради пятерок, чтобы заработать одни студенческие долги и диплом, который она не очень-то и хотела. Черри следила за ровесниками, которые поджигали улицы Кройдона во время бунтов, и презирала их за ничемную праведную агрессию, за неумение проанализировать ситуацию и предпринять что-то толковое по этому поводу. Ее поколение вступало в будущее, которое ничего не могло им предложить. Безработица среди британской молодежи была высока, как никогда. На их плечи ложилось новое долгосрочное финансовое бремя: вместо того, чтобы мечтать о покупке дома, они выплачивали государственный долг. Черри не устраивало будущее, которое предлагала ей страна, в первую очередь потому, что оно было обусловлено тупостью и жадностью политиков и банкиров. Глупость Черри не прощала никому. Не видя выхода, она укатила в Австралию по программе культурного обмена на жалкие гроши, скопленные за время работы в выходные дни, но быстро поняла, что только оттягивает неизбежное и, хуже того, чувствует себя нищей. Турпоходы были не для нее. Так что Черри вернулась домой и устроилась официанткой, пока не придумает, что делать дальше. Работа была отупляющая и порой доводила Черри до отчаяния, но тут в ее жизни появился Николас, и мир снова заиграл красками. Ей было хорошо с ним, она чувствовала себя особенной, чувствовала, что нашла себя. Ее мозг просыпался, когда они спорили о том, как можно исправить экономику в стране и избавиться от безработицы. Николас научил ее тому, какой может быть жизнь, когда у тебя есть деньги. Черри с высоко поднятой головой проводила время в дорогих ресторанах и на лету научилась разбираться в вине. А потом в один миг все кончилось. Она никогда не скрывала от него своего скромного происхождения, плохого школьного образования, семью из рабочего класса. Это было ее ошибкой. Только когда он дал ей от ворот поворот, Черри поняла, что из Кройдона ей не выбраться, оставаясь той, кто она есть. Нужно было самой погрузиться в тот мир, частью которого она надеялась стать. Николас мог катиться к черту. Она будет жить в Кенсингтоне. И на этот раз она никому не признается, откуда она вышла.

В школе единственными друзьями Черри, которые верой и правдой помогали ей добиться чего-то большего, были книги, а чаще всего – Интернет. Чего только там нельзя было узнать! Она читала с жадностью, перемещаясь по ссылкам, пока, сама того не замечая, не накопила увесистый багаж из почерпнутых знаний. В довесок она читала ежедневные статьи в «Гардиан» о внешней политике Великобритании, впитывая язык эрудированных журналистов и старательно вычищая всякие следы Кройдона из собственной речи. Когда Черри пришла на собеседование в агентство недвижимости «Хайсмит-энд-Браун», она была

во всеоружии, и несколько преувеличений в резюме, продуманный фальшивый образ уроженки Челси вкупе с багажом знаний, на который она столько работала, принесли ей работу.

В этом агентстве она работала уже полгода, с точностью до дня. Черри помнила об этом, потому что видела в ежедневнике, как приближается эта дата, обведенная красным кружком как пункт назначения – или предупреждение. Единственные знаки внимания здесь ей оказывал мойщик окон.

– Как дела, красавица? – спросил он, когда она печатала на компьютере, внося правку в условия договора аренды, и она оцепенела и проверила, не обратил ли кто на его реплику внимания? Он продолжал поглядывать на нее, выписывая губкой широкие дуги по стеклу, а у Черри внутри все кипело от унижения. Почему он пристает именно к ней? Почему не к Эбигейл или к Эмили? Как будто ему стали видны все барьеры, сооруженные Черри вокруг себя, и он разглядел в ней такую же представительницу рабочего класса, как и он сам. У Черри душа уходила в пятки от мысли, что его интерес к ней разоблачит ее.

– Еще раз со мной заговоришь – и тебя уволят за домогательства, – процедила она и повернулась к нему спиной.

Все остальные мужчины были либо женатыми, либо геями, либо оказывались так зациклены на себе, что не замечали Черри в упор.

Но наконец удача улыбнулась ей, и теперь все это было позади. Когда музыканты разошлись на перерыв, Дэниел повернулся к Черри.

– Ну, что скажешь?

Внутри у нее все затрепетало от внезапно переполнившего ее счастья. Стоял дивный летний вечер, она проводила его с мужчиной на концерте классической музыки, и этот мужчина явно делал все, чтобы доставить ей удовольствие.

– Изумительно.

Черри огляделась вокруг и заметила, что обеспеченную публику сразу видно со стороны. Среди девушек было много блондинок со струящимися длинными локонами, и они то и дело встряхивали ими, зная, как соблазнительно волосы будут спадать обратно на плечи. Загорелые юноши были одеты в неброские, но дорогие рубашки навыпуск с сидящими низко на бедрах шортами. На первый взгляд эти люди были такими же, что и в районе, где остался дом ее матери (Черри никогда не называла Кройдон своим домом), но разница между ними заключалась в цене на их нижнее белье. Черри была безумно горда собой за то, что умеет держаться наравне с этими успешными людьми. Она ничем им не уступала, наверняка была умнее многих из них, и одно ее присутствие здесь доказывало, что она способна на многое. Вот чего можно достичь, если все продумать и приложить усилия. Впервые за долгое время Черри поверила, что у нее получается по-настоящему оторваться от своих корней.

– А сам ты на чем-нибудь играешь? – поинтересовалась она.

– Меня заставляли играть на пианино, пока мне не стукнуло пятнадцать.

– Заставляли?

– Не могу сказать, что я сильно страдал, – Дэниел посмотрел на нее и пришел к выводу, что хочет ей рассказать. – Дочка моей учительницы была на три года старше меня и любила позагорать в саду у всех на виду, а в моей «музыкальной» комнате были стеклянные двери.

Черри засмеялась и подумала: хорошо, что он может расслабиться и рассказывать ей такие истории. Они ее ничуть не смущали. Черри знала, что мужчины терпеть не могут

капризных женщин, так что вспышки ревности она прибережет для поры, когда в них будет необходимость, чтобы показать ему, как он ей небезразличен. Такую карту стоило придержать.

– А ты?

Черри уже приняла решение не врать лишнего о своем воспитании, если можно было обойтись правдой. У лжи была гадкая привычка вылезать наружу. Но все же их отношения были еще в зачаточном состоянии, и не было нужды перегружать их горькой исповедью о том, что даже если у них нашлись деньги на пианино, его все равно некуда было бы поставить. Места в их квартире едва хватило на тошнотворный кожаный диван кремового цвета, который ее мать месяцами высматривала в мебельном магазине и копила на него, пока не начались распродажи. В диване было встроенное раскладное кресло, что казалось Черри чудовищной безвкусицей.

– Я не была музыкальным ребенком. Мне больше нравились языки. Особенно французский.

– Говоришь по-французски?

– Oui.

– А еще?

– Испанский.

– Впечатляет.

– И итальянский.

– Серьезно?

Она скромно пожала плечами.

– Они очень похожи между собой. Если немного подумать.

– Ты, наверное, очень хорошо училась в школе.

– Да. Но в школе у нас был только французский.

– Как же?..

– Сама выучила. Скачала курсы.

– Ого, – он посмотрел на нее с еще большим уважением. – Ого! Мне стоило позвать тебя с собой в свой вояж!

– У тебя был свой вояж?

– Это мама предложила. Было здорово, мы проехали на Восточном экспрессе до конца маршрута – опять же, ее идея – и исколесили всю Европу на поездах. Я такие интересные места видел.

Черри, которая была за границей лишь однажды, в Австралии, пришла по душе мысль о долгом совместном путешествии по лучшим городам Европы.

– Красивые, наверное, были фотографии.

– Боюсь, я засорил всю страницу на «Фейсбуке».

– Ты есть на «Фейсбуке»?

Он рассмеялся.

– А тебя нет?

У Черри были свои причины не регистрироваться в публичной социальной сети – ее бросало в дрожь от одной мысли, что на ее странице объявится какой-нибудь бывший одноклассник из Кройдона. Черри свято верила, что ее жизнь, во всяком случае, та ее часть, которая имела значение, началась полгода назад. Все, что было до этого, она хотела уничтожить. То была другая Черри.

– Узнала, как тяжело оттуда удалиться, и решила, что вообще туда не хочу.

– Разумно. Честно говоря, уже несколько лет туда не заглядывал. Просто у самого руки никак не доходили удалиться, – его голос звучал встревоженно. – А это правда сложно?

Удалить страницу?

– Ты у них на птичьих правах. Придется просить разрешения.

Он рассмеялся.

– Вообще-то ничего смешного.

Глядя на его серьезное лицо, она не могла сдержать улыбку.

– Мне нравится «Твиттер».

– Вот как?

Черри нравилось читать твиты британской интеллигенции. Но она не успела сказать об этом Дэниелу, потому что оркестр приступил к настройке инструментов, и им обоим пришлось пересесть поближе к сцене. Черри обхватила колени руками и смотрела на музыкантов с горячим интересом, прикидывая, сколько времени может потребоваться, чтобы научиться играть музыку с таким мастерством, и сможет ли она заняться этим. Наверняка в Сети можно найти уроки. Спустя некоторое время Дэниел приобнял ее ноги, и она вся затрепетала от первого его такого прикосновения – как к чему-то своему. Черри прильнула к нему, и они продолжили обмениваться редкими тайными улыбками.

– Еще так рано, – заметил Дэниел, когда они возвращались по парку после концерта.

До сих пор не стемнело, вечер был долгим и соблазнительным, и они оба думали о том, что же случится дальше. Никто не хотел возвращаться домой.

– Не хочешь выпить? – предложила Черри, неуверенно глядя на переполненные модные бары и высыпавших на улицы людей.

– Мы не налегке, – заметил Дэниел, указывая на снаряжение для пикника.

– Хочешь занести вещи домой?

– Чтобы мама настояла на знакомстве с тобой? – Он улыбнулся. – Я бы и рад, но придется ей подождать.

Сердце Черри радостно дрогнуло. *Дэниел уже думает, как познакомить ее с матерью.* Она рассудила, что следующее свидание было уже у нее в кармане, а если они проснутся вместе, то с большой долей вероятности и весь завтрашний день они тоже проведут вместе. Можно было бы вынудить его подождать, пока он не въедет в новую квартиру, на которую только что подписал контракт, но до этого было еще две недели. Это казалось слишком долгим сроком.

– У меня в холодильнике есть бутылка отличного сансера.

Дэниел улыбнулся.

– Как хорошо, что у кого-то из нас есть отдельное жилье.

В его устах это прозвучало так, как будто ее положение было предпочтительнее, хотя это его дом стоил миллионы фунтов. Когда он рассказал ей, где живет, она, будучи агентом недвижимости, сразу поняла, сколько там стоят дома, а потом она еще нашла его дом на гугл-картах, увеличивая картинку, пока изображение совсем не размылось, чтобы рассмотреть как можно больше деталей.

Они улыбнулись друг другу, прекрасно понимая, о чем только что договорились. Он взял ее за руку и не отпускал всю дорогу до метро, как будто она была его девушкой.

Понедельник, 9 июня

Сидя в просторной приемной телецентра «Ай Тиви», удачно оборудованной кондиционером, Лора проверяла входящие сообщения в телефоне. Дэниел, как она и предсказывала, не вернулся домой в субботу вечером, но чем дольше тянулось воскресенье, тем заметнее становилось его долгое отсутствие. Лора приготовила ему обед, который пришлось убрать в холодильник, а потом просто слонялась по дому, ожидая его возвращения. Она хотела увидеть его поскорее и не могла найти себе места. Время шло, а Дэниел все не появлялся. К пяти вечера Лоре внезапно пришло в голову, что и сегодня он может не объявиться. У нее возникло чувство, будто ее бросили, и она посмеялась над собой. Лора сделала себе строгий выговор и отправилась спать, за весь день так и не увидев никого из членов своей семьи, потому что Говард ушел играть в гольф.

Услышав свое имя, Лора встала. К ней подошла ассистентка выпускающего редактора отдела драмы и проводила ее на лифте на восьмой этаж, направив ее в небольшой конференц-зал с портретом Эркюля Пуаро на окне.

– Лора! – воскликнула Элисон, как будто встретила лучшего друга, с которым давно утратила связь. Они крепко расцеловались. Элисон всегда говорила на повышенных от энтузиазма и энергии тонах, и Лора считала, что лучше всего отвечать тем же.

– Как твои дела? – прошептала Элисон, усаживаясь в пластиковое кресло. Лора села напротив.

– Отлично!

– Мы в восторге от первого эпизода! – Среди других характерных особенностей у Элисон была привычка сыпать вычурными эпитетами: «восхитительные», «феноменальные», «фееричные» то и дело прокрадывались в ее речь и, как воины-ниндзя, без предупреждения выскакивали на тебя в какой-нибудь эффектной позе.

Про себя Лора облегченно вздохнула, хотя этот мед был с ложкой дегтя. В последний момент ей пришлось внести коррективы в заключительную сцену, на которых «настояла» Элисон, после того, как Лорин аргумент о том, что влюбленные не уехали бы, не попрощавшись с брошенным лучшим другом, был отвергнут Элисон в ее фирменной пассивно-агрессивной манере.

– Ну, не знаю, но лично я – *не верю*, понимаешь? – сказала она, и Лора мысленно ответила: «Не понимаю, потому что я верю, как и ты, надо думать, верила, когда читала сценарий полгода назад».

Она пыталась как-то переубедить Элисон, но все было бесполезно. Если Лора хочет получить второй сезон и надежду на новые заказы от «Ай Тиви» в обозримом будущем, ей придется быть «проще» и делать так, как ей говорят. Режиссера, который был ожидаемо огорчен такими серьезными изменениями в своей работе, утешило обещание на съемку двух эпизодов в следующем сезоне, на который все так надеялись.

– Теперь концовка смотрится идеально. Я посмотрела сегодня утром, и... – Элисон картинно схватилась за сердце. Юная ассистентка бесшумно принесла им две чашки чая и поставила на стеклянном столике, после чего так же тихо удалилась. Лора поблагодарила ее, в то время как Элисон скорчила растроганную гримасу.

– Рада, что ты так считаешь.

Лора понимала, что, как и всем в их профессии, Элисон был срочно необходим хит. Нескольким ее последним сериалам не удалось собрать ожидаемых рейтингов, а когда такое происходило, сложно было не занервничать. На телевидении никто не хотел работать на неудачников, и укоризненные взгляды уже обратились в сторону своей новой жертвы. У Элисон был талант ускользать от их траектории, но даже она поняла, что пора укреплять оборону, и с присущим ей нарциссизмом решила, что только что спасла хороший сериал и превратила его в умопомрачительный.

– Я поговорила с Шоном. Он интересуется, что еще могут нам предложить в «Кавендиш Пикчерз».

Вот она, Лорина награда, и на этот раз мед был действительно сладок. Последние несколько лет выдались трудными для независимого телепроизводства, и ей позарез был нужен новый проект. Шон, будучи главой отдела драмы, распорядился тем, каким проектам давать добро и каким – нет. То, что он выражал желание продолжать с ней работать, было очень хорошей новостью.

– Есть ли у тебя что-нибудь, что бы ты хотела с нами обсудить?

Лора сверилась с мысленным перечнем своих идей, среди которых была пара новых предложений, которые она как раз наметила для «Ай Тиви».

– Да.

– Фантастика! Можешь прислать нам сметы?

– Конечно.

– И нам нужно обязательно встретиться, втроем.

– Отлично. – Лора достала телефон, Элисон тоже. Их пальцы застучали по экранам.

– Шон занят до конца месяца, как насчет двадцать девятого числа?

– Здесь?

– Мы приглашаем тебя на ланч.

– Отлично! Буду ждать.

Меняя тему, Элисон отложила телефон и улыбнулась.

– Мы знаем, когда выпускать сериал в эфир.

Для Лоры это оказалось неожиданностью. Ей говорили, что трансляция начнется в ноябре, но, судя по широкой улыбке Элисон, планы изменились.

– Да-да. Его поставили на старт осенней сетки. Мы открываем им телесезон.

Лору коробила лексика американских телевизионщиков в речи Элисон, которая явно вворачивала такие словечки, чтобы казаться космополитичной. Но Элисон сейчас оказывала Лоре большую честь, и от нее ожидалась соответствующая реакция, да и сама она, откровенно говоря, ликовала.

– Как здорово! В какой день? С кем мы конкурируем?

– Пока неизвестно, но таймслот будет хороший. Это сдвинет вас по срокам, но график пост-продакшена ведь позволяет, да?

– По плану финальный эпизод будет готов к середине августа, так что никаких проблем.

Других новостей у них друг для друга не было, и встреча подошла к логическому завершению. Несколько поцелуев и дежурных фраз («Всегда рада с тобой сотрудничать!») – и Лора вышла на улицу. Она посмотрела на часы – почти три! – и решила не возвращаться в Ковент-Гарден, где находился ее офис. Палило солнце, в Лондоне было 32 градуса жары – утром в новостях предупреждали об аномальных температурах. Послеобеденные часы были самыми тяжелыми, когда пыль и выхлопные газы будто обволакивали тебя и липли к коже.

Так что она позвонила своей ассистентке и предупредила, что сегодня будет работать из дома. Она поймала «черное такси» и нырнула в салон машины.

Они достигли Кенсингтона, где дорога в такое время всегда была запружена родителями, забиравшими из школ своих детей, поэтому таксист решил срезать по Глостер-роуд. У Лоры в голове вертелись проекты, которые хотела протолкнуть Элисон и Шону, и только тогда обратила внимание на их маршрут. Она выглянула в окно и вытянулась, увидев, где оказалась. Вот же оно, на углу Олд-Бромптон-роуд, под сине-коричневой вывеской. Здание становилось все ближе и ближе, и когда они практически поравнялись с ним, Лора обратилась к водителю:

– Можете высадить меня здесь, спасибо.

Она заплатила, подождала, пока машина отъедет, а затем прошла несколько метров до офиса агентства «Хайсмит-энд-Браун».

Лора остановилась чуть поодаль от окна и искоса заглянула внутрь, делая вид, что разглядывает развешенные для привлечения внимания фотографии эксклюзивных особняков, в то время как на самом деле пыталась увидеть за стеклом сотрудников агентства. Из-за отблесков на стекле, позиции Лоры и ее солнечных очков сложно было хоть что-нибудь разглядеть. В конечном итоге она сдалась, подняла очки на лоб, шагнула вправо и заглянула внутрь. Там все были заняты делом. Лора могла позволить себе осмотреться смелее и попытаться угадать, кто из них Черри. Но этого и не понадобилось. Все было слишком очевидно. Она была сногшибательна.

Коротко стриженные каштановые волосы обрамляли ее тонко очерченное лицо. От такой фигуры, как у нее, мужчины теряли голову. Лора любовалась девушкой, пораженная ее красотой. Неудивительно, что Дэниел так увлекся. Она была рада за него, но... Тут было от чего сойти с ума. Лора улыбнулась. Она *была рада* за него. Черри обратилась к клиенту, и Лора отметила, как сияло ее лицо – юность, целеустремленность, жизненная сила в ней заставили Лору ступешаться. Она поспешила отвернуться. Ей вдруг стало неловко за то, что она шпионит, и смущенно усмехнувшись себе под нос, Лора продолжила свой путь, но образ Черри не покидал ее.

Лора свернула на тихую улицу, оставляя шум машин за спиной. Она шла мимо општукатуренных белых домов, сверкающих на солнце, между которых равномерно были высажены деревья, щедро откидывавшие тень, и не могла не думать о том, что же представляет из себя Черри. Какие нынче современные двадцатилетние девушки? Какой была бы Роза, если бы была жива? Лора поняла, что ей нужно. Она решительно расправила плечи и направилась домой.

– Почему бы тебе не пригласить ее к нам на ужин?

– Что?

Вернувшись, Лора обнаружила, что Дэниел уже был дома, но лег вздремнуть. Сейчас же они втроем ужинали за большим столом, и им сообща удавалось держаться в рамках приличий и сохранять их семейный хрупкий мир. Ни она, ни Говард не обмолвились и словом о той субботней сцене. Впрочем, прошло уже достаточно времени, чтобы эта история отошла в прошлое и о ней можно было никогда уже не вспоминать.

– Кому-то не терпится больше узнать о твоей девушке.

Лора проигнорировала его слова. Но она обратила внимание, что Говард даже газету не

читал, когда Дэниел был дома.

– Мы хотим с ней познакомиться! Мы ведь хотим, Говард?

– Ну а то, – съязвил Говард.

Дэниел рассмеялся.

– Мы встречаемся всего неделю.

– Я ни на чем и не настаиваю, – вставил Говард.

Лора подавила желание фыркнуть.

– Говард, если ты хочешь видеть своего сына чаще, пока у него каникулы, я бы на твоём месте проявила больше энтузиазма. Однажды он уже променял нас на нее.

– Ты на меня сердишься? – спросил Дэниел.

– Ужасно сержусь, – ответила Лора. – И что-то мне подсказывает, что вы с Черри будете видеться еще чаще, так что пока вы оба не спрячетесь в ваш... – она мечтательно вздохнула, – ...радужный кокон, было бы неплохо познакомиться с ней.

Дэниел кивнул.

– Я понял.

– Позвони ей прямо сейчас.

– Сейчас? К чему такая спешка?

– Мне нужно время на подготовку. Она может прийти в четверг? К половине седьмого?

Лора и сама не была уверена, почему проявляет такую настойчивость. Она уже поняла, что этим летом не будет видеться с сыном так часто, как ей того хотелось. И как бы это ни рушило ее ожидания, Лора готова была смириться с таким положением дел. У взрослых сыновей свои интересы. Но отчего-то ей хотелось узнать Черри, пока они окончательно не пропадут из поля зрения.

Дэниел говорил по телефону. Он прикрыл рукой динамик.

– В четверг она не может...

Лора подумала.

– А в пятницу?

Он повторил ее слова в телефон, и на этот раз возражений не было.

– ...я перезвоню попозже, – тихо пообещал Дэниел и отключился. – Черри с удовольствием придет.

Лора улыбнулась. Она ждала этой встречи с таким нетерпением, что сама себе удивлялась.

Четверг, 12 июня

Каждый раз, когда Черри приходила в гости к матери, она обещала себе, что на этот раз все будет по-другому. Она не станет зажиматься, она будет общительнее, приветливее. Она поболтает с матерью вместо того, чтобы закрываться от нее. Она не почувствует непреодолимое желание уйти. Но стоило Черри переступить порог тесной двухкомнатной квартиры, как все ее добрые намерения испарились. Широкоэкранный телевизор, слишком большой для этой комнаты, пушистый ковер на полу в гостиной, дикий раскладной диван. Рядом – жестянка с конфетами, открытая для гостей. Ее мама, Венди, очень любила эти маленькие плюсы своей работы в супермаркете. Она говорила, что первой узнает обо всех специальных акциях и сэкономила благодаря им целое состояние. Черри ненавидела супермаркеты и еще больше ненавидела эти «акции» и весь тот мусор, который тебя заманивали скупать и набивать им свой дом. Они вытягивали из скудных доходов людей все, что могли унести, маскируя это под дружественно протянутую руку. Мы на твоей стороне, мы знаем, каково тебе, такие сейчас времена – а сами в это время считали прибыль. Мамина коллекция DVD-дисков по десять фунтов штука стоила в итоге две тысячи. Точнее, обошлась ей в две тысячи, а стоило это все не больше пары сотен, и то с натяжкой. Черри ужасно злило, что ее мама сама никак этого не понимала.

– Но это же шедевр, – сказала Венди про «Король говорит», ее последнее приобретение.

– Это – кусок пластмассы у тебя на полке. Часто ты будешь его пересматривать?

Покупка киношедевра еще не делала тебя киноведем, не превращала тебя в интеллектуала и не обогащала твой вкус, она выставляла тебе дураком, особенно когда то же самое можно было посмотреть по телевизору или взять в прокате. Черри даже в голову не могло прийти, что Венди и вправду нравилось пересматривать эти фильмы, что она была благодарна за эту отдушину, потому что почти все свободные от работы вечера она проводила в одиночестве, ведь после смерти мужа она так и не встретила человека, который задержался бы в ее жизни.

Черри дежурно поцеловала мать, уворачиваясь от ее попыток стиснуть ее в объятиях и оставить отпечаток помады на щеке.

– Мам!

– Извини, извини, просто я так редко вижу тебя в последнее время.

Это была правда. Черри не стала отрицать.

– Как ты?

– Ничего. Что будешь пить? Может, вина, раз уж у нас праздник?

Черри помнила, что Венди пьет только белое и что оно будет слишком сладким, поэтому отказалась, сказав, что лучше выпьет чая. Они вышли на кухню, где мама заварила ей чай в кружке с Дэниелом Крейгом. Оттуда кривовато ухмылялось его красивое лицо – только лицо, без шеи, бестелесно паря на фоне белого фаянса. Выглядело это абсурдно. Мама отвернулась ставить чайник, и Черри улучила момент, чтобы посмотреть на нее. Она снова покрасила волосы – каждый раз, когда Черри приходила в гости, они были нового цвета, как будто она хотела испробовать на себе всю палитру «Лореаля» (восемьдесят три оттенка, сообщила ей однажды мама, вычитав этот факт в каталоге поставок). Краска скрывала седые волосы, которые когда-то были такого же темного каштанового цвета, как

сейчас у Черри. Черри унаследовала лучшие черты и от обоих родителей, и от бабушек с дедушками – неслыханный набор счастливых случайностей, не поддававшийся разумному объяснению.

Вместе с Венди они перешли в гостиную.

– Можешь сесть на раскладушку, если хочешь.

– Нет, спасибо, ты садись.

Черри быстро села на противоположную сторону дивана, памятуя, как однажды вынуждена была сесть в это раскладное кресло, чтобы порадовать маму, и откинулась так далеко назад, что почувствовала себя как на приеме у стоматолога, и такой же беспомощной.

– Я подумываю перекрасить эту стену в красный, – Венди махнула кружкой в направлении стены, где громоздился телевизор. – Для эффекта.

– Эффекта чего? – Недовольство уже сквозило в голосе Черри, хотела она того или нет.

– Не знаю. Почему ты всегда все... – Венди собиралась сказать «критикуешь», но прикусила язык. Не сегодня. Они обе устали в свои чашки и пообещали себе быть выше этого.

По телевизору без звука шло какое-то игровое шоу. Черри ненавидела игровые шоу уже за то, что зрители в аудитории специально для появления на телевидении выражались во все новое, но, как ни крути, в итоге всегда выставляли себя на посмешище, потому что выглядели дешево и нелепо. К тому же ее бесило то, какие все были тупые. Преподаватели, а не знают столицу Канады. Жалкое зрелище.

– Как работа? – спросила Черри.

– Ох, видела бы ты, какие очереди были в субботу. Мы распродали все наборы для барбекю в наличии, а я ведь говорила, что нужно заказывать больше.

– Зря тебя не послушали.

– Да, очень зря, – согласилась, довольная, Венди.

– Сколько ты уже там работаешь?

– Ну, я устроилась, когда тебе было два годика, нам тогда нужны были деньги, – начала Венди, и Черри, которая уже слышала эту историю раньше, просто сидела и ждала развязки. – Тогда я могла работать только на полставки. Сначала стояла на кассе, а со временем дослужилась и до остального. Стала выходить чаще, когда ты пошла в школу. Я ведь работающая и надежная. Никогда не брала отгулов, чтобы сводить собаку к ветеринару, да мало ли что. Короче, в сентябре будет восемнадцать лет, – Венди гордо улыбнулась, на секунду замечтавшись о собственных достижениях. Для Черри ничего не могло быть хуже, чем застрять в гигантском складском помещении, где полно людей, толкающихся с проволочными тележками на колесиках, и втайне она думала, что должность менеджера отдела за восемнадцать лет службы не бог весть какой карьерный рост. Уж наверное, за такой срок можно было возглавить целый регион, или как там у них. Но такие мысли нагоняли на нее тоску, и она выкинула их из головы.

– Вот видишь, все хорошее приходит к тем, кто трудится не покладая рук, тогда получаешь и повышения, и все на свете.

– Как Холли?

– Не очень. Ее дочка ходила на прослушивание для «Икс-фактора», все прошло ужасно. Ее вроде жутко зарезали. Холли так расстроилась. – Венди нагнулась к дочери и потрепала по колену. – Но это все пустяки. Ты сама-то как? Все в голове не укладывается, что у моей дочки такая серьезная работа! В недвижимости всегда крутятся большие деньги, – сказала

она весело, но Венди всегда цеплялась за общие мнения, а не за личный опыт.

Наконец Черри смогла улыбнуться, хотя вдаваться в подробности она не собиралась.

– Хорошо, замечательно. Мне там очень нравится.

– Видишь, как здорово. Я всегда знала, что ты встанешь на ноги. Ты у нас самая умная в семье. Так чем ты там занимаешься? Продаешь богатые дома?

– Сдаю внаем.

– Это аренда, что ли? Ох, и цены там, должно быть, правда? Вот сколько стоило бы сдать мою квартиру в вашей волшебной стране?

– Ну, она выглядела бы немного по-другому, но если считать метраж, то порядка трех тысяч.

– Три тысячи в месяц!

– В неделю.

У Венди было такое озадаченное, оторопелое выражение лица, что Черри захихикала – не из злорадства, не в насмешку над матерью, просто она ничего не могла с собой поделаться: та так забавно уронила челюсть и застыла, будто кто-то нажал стоп-кадр.

Венди медленно закрыла рот.

– Батюшки святы, – вымолвила она, а потом, сообразив, как должна была выглядеть, тоже рассмеялась, и, глядя друг на друга, вдвоем они захохотали еще пуще прежнего. Был редкий случай, когда они были на одной волне и смеялись над одной шуткой. Обрадовавшись тому, что они вышли на безопасную тему, Венди решила предложить ей свою идею. – Слушай, у меня новый график со следующей недели. Выходные теперь по вторникам. Хочешь, я приду к тебе на работу, пообедаем вместе?

Черри наскоро обдумала ответ и скривилась.

– У меня обеденный перерыв всего полчаса.

– Это же незаконно!

– Ничего страшного...

– Нет, тебе положен час. Это закон. Обязательно скажи об этом начальству.

– Мама, брось.

– Нет...

– Мама, пожалуйста!

Венди умолкла. На секунду.

– Тебе хоть хорошо платят?

– Мама!

– Просто ты вечно соришь деньгами. Ты никогда не умела с ними обращаться.

Черри поперхнулась чаем, пролив немного на кремовую кожаную обивку.

– И не надо на меня так смотреть. Все свои сбережения ты спустила на поездку в Австралию.

– По специальной программе. Это был культурный обмен, – Черри огляделась по сторонам в поисках чего-то, чтобы вытереть чай, и нашла коробку салфеток «Клинекс» с изображением водяных лилий на упаковке. Это было придумано для хозяек, которые считали важным, чтобы их салфетки вписывались в интерьер. Она не сразу решилась взять салфетку, как будто это была конфета, предложенная ведьмой, которая не выпустит тебя из своего логова, если ты возьмешь угощение. Она напомнила себе, что если когда-нибудь потеряет работу, то в эту квартиру ей придется вернуться. Безвыходность ситуации пугала ее.

– Могла бы вложить их куда-нибудь, – не унималась Венди. – В какие-нибудь

премиальные облигации.

– Мама, по облигациям не платят процентов.

– Нет, но лучше покупать облигации, чем лотерейные билеты.

Черри стиснула зубы и решила не говорить очевидного. Вместо этого она спросила:

– А что бы ты сделала? Если бы выиграла?

– Отправилась бы в далекое путешествие. И взяла бы с собой Холли. Ей не помешало бы развеяться.

– Но ты переехала бы отсюда?

– Хм, рядом с рекой Уондл неплохих домов настроили.

Черри раздосадовано вздохнула.

– Мама, ты могла бы вообще уехать из Кройдона.

– Ни за что. Я здесь родилась, и твоя бабушка, которая уже и забыла, как ты выглядишь, тоже здесь родилась.

Черри передернуло. Она ненавидела дом своей бабушки и перестала навещать ее около девяти месяцев назад. Ей оказалась не под силу терпеть грязь, которой скапливалось все больше из-за бабушкиного слабеющего зрения и закономерного падения стандартов чистоты, ее коричневый ковер, убогую, замызганную розовую ванную, газовую колонку прямиком из шестидесятых. В последний свой визит Черри целый час сидела на краешке дивана, боясь пошевелиться, чтобы ненароком не подцепить кошачьей шерсти. От одного воспоминания она заерзала на месте. Ей не терпелось подвести этот вечер к концу. Подумать только, сегодня она могла бы находиться в роскошном доме Кавендишей. Черри даже думала отменить встречу с мамой и принять их приглашение, но отвертеться было бы слишком сложно, да и этим она только оттянула бы неизбежное.

Черри заранее заготовила оправдание, чтобы уйти пораньше – встреча с друзьями в баре, и предупредила об этом маму по телефону еще перед тем, как приехала. Она украдкой посмотрела на время. Минут через десять можно начинать подавать намеки. Кройдон находился на таком отшибе, что отсюда до любой точки Лондона добираться было целую вечность. На самом деле она собиралась домой, чтобы выбрать костюм на завтра – что-то такое, что подойдет и для вечера. Что-то уместное для «обеда» с мистером и миссис Кавендиш (теперь это слово звучало не так уж и плохо). Дэниел сказал не беспокоиться об одежде, но глупо принимать такие заявления всерьез.

– А то глядишь я бы выиграла столько, что хватило бы на такой особняк, как в этом Уэбб-истейт.

Черри оцепенела.

– Ты общаешься с Николасом? – поинтересовалась Венди с невинным видом.

– Нет.

– Ничего удивительного, – она сказала это приободренно, как будто подтвердились ее подозрения, и Черри это не понравилось.

– Почему это?

– Ну, он не был на нас похож, согласись.

– В каком смысле? – спросила она грозно.

– Ну, – сказала Венди неуверенно, – он богатый, у него другой образ жизни, – Венди потрепала Черри по руке, желая утешить ее и принять обратно в их клуб одиноких сердец, чтобы дочь выкинула его из головы, но Черри внутренне отпрянула. Гордыня и обида переполняли ее. Даже собственная мать считала, что она ему не пара. В этом было что-то

нечестное, что-то очень абсурдное, если ты не мог быть вместе с человеком, если он был лучше тебя только потому, что у него были деньги.

– Ты же не расстраиваешься?

– Нет.

– Просто...

– Что?

– Ты, наверное, не видела... – Венди подвинула к ней местную газету и развернула на странице свадебных объявлений. С фотографии ей улыбалось лицо Николаса. Рядом с ним стояла та самая блондинка из бара в тиаре и белом платье. Всем своим видом они демонстрировали, что они вместе. Черри обмерла, но усилием воли сумела не выдать своих эмоций, кроме безразличия. Она выискивала на снимке знаки, что в момент съемки он думал о ней, что женитьба на – Черри прочитала имя – Габриэлле-Кларе Батлер-Освальд была вынужденной мерой, жертвой, на которую нужно было пойти, чтобы получить шанс заправлять бизнесом его отца. Ей показалось, что она разглядела легкую натяжку в его улыбке, но это могло быть реакцией на назойливость свадебного фотоаппарата, который щелкал снимок за снимком. Как раз пару месяцев назад Николас должен был закончить учебу, и свадьба, несомненно, идеально вписывалась перед началом его работы в телекомпании. Черри отложила газету.

– Удачи им. – Сказано это было тоном, который не предполагал продолжения.

– А хочешь заглянуть в свою комнату? Забрать с собой какие-нибудь вещи? Я разобрала твои старые игрушки.

Черри не хотела. Она уже забрала все из этой квартиры, что ей было нужно, а мысль о том, чтобы перетаскивать в новую жизнь предметы из ее детства, казалась грязнее любой грязи.

– Не могу, мам, у меня потом встреча с друзьями. Может, в другой раз? – с этими словами она встала. – Мне и так пора возвращаться в Лондон.

Венди подавила разочарование и тоже встала.

– Ну что ж, спасибо, что приехала в такую даль, родная, я очень рада.

Обе замолчали, повисла недолгая пауза, пока Черри широко не улыбнулась.

– Ладно, – сказала она и направилась к выходу.

Она позволила матери поцеловать себя в щеку, и та всучила ей небольшую коробку.

– С днем рождения.

Подарок был обернут в аляповатую бумагу в цветочек, которую будто разрисовывал четырехлетний ребенок. Такие рисунки обычно подпадали под определение «миленькие».

– Всего тебе наилучшего, родная. – Голос Венди дрогнул, как будто она видела, что ее дочери не терпится поскорее уйти.

Черри спрятала подарок в сумку.

– Спасибо, мама.

Она сбежала вниз по ступенькам и поспешила на станцию Ист-Кройдон. С каждым шагом чувство вины нарастало. Черри достала телефон и для очистки совести отправила маме эсэмэс, пару позитивных, приятных слов о том, как хорошо было ее видеть. Получив добродушный ответ, она решила, что искупила вину, и поезд, а потом и метро увезли ее обратно домой.

Дорога до Тутинга заняла всего полчаса, и вечер был еще теплым. Черри налила себе бокал вина, оставшегося от выходных, проведенных с Дэниелом, и вышла на задний дворик.

Он был всего три шага в ширину и шесть в длину, а за забором виднелись трубы больницы святого Георгия и ряд викторианских многоквартирных домов, шедших параллельно ее дому, зато это был свой кусочек земли на свежем воздухе. В нору, вырытую под забором, бесшумно прошмыгнула лиса и тут же скрылась в соседском саду. Черри проводила ее взглядом, потягивая вино. Ее поражала их способность в любой точке Лондона устроиться, как дома. Некоторое время назад она слушала по радио звонки от жителей Барнса и Челси и их жалобы на лис, проникавших к ним в дома. Район Тутинга был ближайшим к центру города местом, которое Черри могла себе позволить – высоченные цены держали ее на расстоянии лучше любого забора. Она вернулась к мыслям о том, что надеть завтра, и в порыве вдохновения подхватила бокал и вернулась в спальню. Распахнув шкаф, Черри критически изучила свой гардероб. День предстоит жаркий, а в конце рабочего дня одежда должна выглядеть свежей. Ее взгляд остановился на строгой шелковой блузке без рукава и темно-синей юбке-карандаше. Она освободила место для выбранных вещей в середине шкафа, раздвинув все остальное к краям, повесила их рядом, полюбовалась немного и закрыла шкаф. Черри вернулась в сад и замечталась о завтрашнем дне и о том, как сильно ей хотелось познакомиться с родителями Дэниела. Она была признательна Лоре за то, что та пригласила ее, еще и в самом начале их с Дэниелом отношений. За все то время, что Черри встречалась с Николасом, такого с ней не случалось. Она вообразила, как с порога они найдут с его матерью общий язык, и с огромным удовольствием представила, как вольется в их круг. С Дэниелом было так просто общаться, и Черри казалось, что его родители тоже будут людьми ее склада.

Лишь намного позже, когда Черри уже легла в постель, она вспомнила о подарке. Им оказался плеер «Айпод нано», и Черри увидела в этом мамину попытку понять ее, купить вещь, которая должна понравиться юному поколению. Она понимала, что плеер обошелся Венди в большую часть ее зарплаты. Это было очень грустно, и к тому же у Черри уже был такой. Она убрала подарок на тумбочку и со вздохом опустилась на подушки. Как ее мать вписывалась в ее будущее, она не представляла.

Пятница, 13 июня

Дом Кавендишей находился всего в десяти минутах ходьбы от оборудованного кондиционером офиса, но Черри успела разомлеть от зноя. Несмотря на ранний вечер, стояла тридцатиградусная жара, и она украдкой проверила подмышки на предмет мокрых пятен. Не считая темного места размером с монетку под правой рукой, обошлось без катастроф.

Черри волновалась. Она хотела понравиться. Она посмотрела на охапку тигровых лилий в руке. Изысканный букет был обернут коричневой бумагой и перевязан тесьмой наподобие корсетного шнурка, и в который раз она испугалась, что переусердствовала. Цветов было много, и они были крупными. Еще бы, подумала Черри ехидно: они обошлись ей в шестьдесят фунтов. Да и потом, лилии и должны быть большими. Она пересчитала стебли – семь штук. Или это слишком много? Она переложила букет из руки в руку, чтобы не вспотели ладони, и решила, что сейчас уже поздно было что-либо менять. Самое главное, что она шла не с пустыми руками. Черри свернула на улицу Кавендишей, сверилась с часами и с некоторым беспокойством обнаружила, что пришла слишком рано. Не дай бог показаться напористой. Она завернула в проулок между домами и вышла на противоположной стороне, оказавшись на параллельной улице. Она шла по улице, на всякий случай изображая потерянный вид – вдруг она попадет на глаза знакомым Кавендишей, и история о том, как она слонялась вокруг дома, всплывет в случайном разговоре. От этой мысли Черри стыдливо поежилась.

Она свернула на другом конце улицы Кавендишей, проверила время и замедлила шаг ровно настолько, чтобы подойти к чугунным воротам дома номер тридцать восемь в половину седьмого. По тропинке, вымощенной черно-белой идеальной шахматной плиткой, Черри вошла к внушительным черным дверям и позвонила. Дверь почти сразу же распахнулась, и Дэниел встретил ее широкой, ласковой улыбкой. Он взял ее за руку и быстро, но крепко поцеловал в губы.

– Привет. Они ждут не дождутся знакомства с тобой, – торопливо предупредил он ее шепотом, как раз когда она услышала приближающиеся шаги.

Первым появился мистер Кавендиш, широкоплечий мужчина, который привык входить в двери без страха за то, кто может его там встретить. Он стиснул ей руку в типичной мужской манере: уверенно и резко, с ненужной силой, причиняя ей боль.

– Папа, это Черри.

– Говард, – представился он. – Рад наконец познакомиться.

Черри поискала в его словах сарказм – они с Дэниелом встречались всего неделю, – но к большому облегчению не нашла его.

– Очень приятно, Говард.

Он отпустил ее руку, в кисти закололо, когда кровь прилила обратно и косточки с легким хрустом встали на прежнее место. Лора приняла у него эстафету. Черри удивилась, когда женщина взяла ее за руку, посмотрела на нее странным замороженным взглядом, притянула к себе и поцеловала в обе щеки.

– Рада знакомству, Черри.

– Взаимно. – Она вручила Лоре букет. – Это вам.

Лора взяла цветы с неподдельным удовольствием, и Черри была рада, что не пожалела денег.

– Ах, до чего красивые. Спасибо.

Черри не верилось, что эта шикарная женщина могла быть ровесницей ее матери. Между ними не было ничего общего. Лора была высокой, точеной блондинкой с безупречно уложенными волосами. Ее кремовая шелковая блузка и широкие брюки карамельного цвета облегли ее тело так, словно это было великой честью, и в целом она производила впечатление холеной богини.

– Мне так нравится ваша блузка, – выпалила Черри, и на ее щеках непроизвольно проступил румянец.

– Взаимно, – ответила Лора. – Тебе очень идет этот цвет.

Черри покраснела еще сильнее, чувствуя, что вынудила Лору сказать что-то приятное в ответ. Она стояла как истукан, с глупой улыбкой на лице, отчаянно сожалея, что сама не была такой утонченной.

– Нет повода не выпить, – решил Говард и проводил всех в гостиную.

Черри знала, что это лишь одна из комнат для приема гостей. Она присела на край длинного песочно-желтого дивана, и Дэниел, слава богу, сел рядом. Следом появилась Лора – с пустыми руками, очевидно, успев где-то оставить цветы. Едва ли она успела так быстро поставить их в вазу. Черри почувствовала себя уязвленной. Неужели ее цветы лежали брошенными на какой-нибудь полке? *Возьми себя в руки, – сказала она себе строго, – не бросать же ей всё на десять минут из-за цветов, когда ты только что вошла. С цветами все будет в порядке.*

– Аперитив?

– Да, спасибо.

– «Беллини»? – предложил Говард, уже наливая бокал, и протянул ей. Черри сделала глоток, стараясь не вдыхать пузырьки. – Ты после работы? – спросил он, продолжая разливать напитки.

– Да, я работаю в «Хайсмит-энд-Браун». Я агент по недвижимости.

Лора приняла бокал из рук мужа и скользнула в кресло напротив Черри.

– Дэниел рассказывал. Тебе это нравится?

– Да, очень.

– Давно ты там работаешь?

– Недавно, – Черри не стала уточнять и во время возникшей паузы взяла бокал в другую руку. Она понимала, что ей нужно успокоиться, но так переживала из-за того, чтобы произвести хорошее впечатление, что мысли путались у нее в голове, пока она пыталась вспомнить, что она хотела и не хотела рассказывать. Так она рисковала показаться грубой.

– А до этого где работала? – поинтересовался Говард.

– До этого я путешествовала по Австралии. Я, кхм... хотела отдохнуть после... экзаменов.

Черри ужасно не хотелось признавать, что экзамены были школьные, четыре года назад. Она отдавала себе отчет в том, что ее слишком долго несло по течению, и не об этом она хотела бы рассказывать таким представительным и образованным людям. – А когда вернулась, решила заняться карьерой и нашла работу.

– Похвально, – сказала Лора. – Особенно с учетом цен на обучение в наше время.

Черри улыбнулась и кивнула. Она пропустила целых две ступеньки в системе

образования, и ей казалось, что Лора все знает и прикрывает ее. Не находя себе места, она снова переместила бокал в другую руку и стала соображать, что бы сказать, чтобы сменить тему.

Дэниел потянул ее за руку, поднимая с дивана.

– Пойдем, я покажу тебе дом. Хочу услышать твое профессиональное мнение.

Черри покинула комнату с таким чувством, будто провалила первое испытание. Едва они вышли за дверь, как Дэниел ущипнул ее за попу. Ей кое-как удалось подавить взвизг, и она укоризненно стукнула его по плечу, хотя на самом деле этот интимный жест приободрил ее.

– Это холл, – объявил он. – Как видишь, у нас он есть.

– И очень красивый, – отозвалась Черри, зная, что его родители могут слышать каждое слово. Она говорила правду: сверкающий паркет на полу, две широкие изогнутые лестницы из белого камня с деревом – одна вела вверх, другая вниз. Перед мраморным камином был расстелен турецкий ковер, с обеих сторон которого стояли большие кресла, и Черри задалась вопросом, сидят ли в них хоть иногда.

– Не нужно так стараться, ты им нравишься, – сказал Дэниел тихо, но Черри наградила его предупредительным взглядом. Она услышала, как сзади подошла Лора.

– Я пойду, закончу с суфле, – сказала она и ушла на кухню.

– Туда не пойдем, не будем мешать кулинару.

Вместо кухни он повел Черри наверх, и когда они проходили мимо следующего этажа, он обронил на ходу: «...мамина комната», – и повел ее выше, а Черри отметила, как целый этаж может быть комнатой для одного человека – наверняка там была огромная ванная и гардеробная. Еще она обратила внимание, что мистер и миссис Кавендиш, по всей видимости, не спали вместе. На следующем этаже Дэниел завел ее в одну из спален.

– Моя комната, – объявил он. – Хотя, в общем-то, уже не моя. Но здесь я вырос.

Помимо большой кровати из цельного дуба, шкафа и стола в глаза бросался настоящий алтарь, посвященный стоявшему рядом с ней человеку. Каждую стену, каждую поверхность занимали фотографии: Дэниел в Мачу-Пикчу, на острове Пасхи, у пирамид. Дэниел в горах и во время «вояжа». Здесь были награды, кубки по регби, крикету и теннису. Нигде не было ни пылинки. Наглядная иллюстрация его детства и всего того, к чему ему был открыт доступ.

– Ого. Сколько достижений.

– Я тут ни при чем. То есть я побегал в свое время, но хранит их здесь мама.

– Она, должно быть, очень тобой гордится.

Вместо ответа Дэниел положил руку ей на шею и начал целовать ее, но Черри увернулась.

– Твои родители внизу, – зашипела она.

– Да, – согласился он, продолжая целовать ее.

Она оттолкнула его.

– Я хочу произвести хорошее впечатление. Из-за тебя я останусь растрепанной.

– Ты сегодня потрясающе выглядишь. Не хочешь по-быстрому?

– Категорически нет.

Раздался звонок. Дэниел простонал.

– У мамы на нас другие планы.

– Только не говори, что это был колокольчик.

– Дом большой. Должна же она как-то звать меня к столу. Вот и что ты прикажешь мне

с этим делать? – он указал на свой пах с выпирающим в области молнии бугорком.

– Весь вечер представляй меня голую.

– Вечно ты дразнишься.

Но Черри знала, что ему это нравилось. Держа ее за руку, Дэниел свел ее по лестнице. В холле они пересеклись с Лорой. Та несла поднос с кокотницами, от которых шел легкий пар.

– Мне жаль прерывать вашу экскурсию, но суфле остывает.

Дэниел отпустил ее руку и забрал поднос у матери. Черри почувствовала, как будто ее бросили на произвол судьбы, и нервы снова дали о себе знать.

Ужин накрыли в столовой. За их столом давно не собиралось столько человек, как сегодня. Черри сидела напротив Говарда, Дэниел – напротив матери. Все сияло со знанием своего дела: приборы, бокалы, даже тарелки – белый сервиз с цветочками, нарисованными на кромке. На стене висела огромная современная картина. Она приковывала к себе взгляд и заявляла о баснословных деньгах, как и все в этом доме.

– Надеюсь, тебе нравится краб, – сказала Лора, когда Дэниел поставил поднос на стол.

Черри обмерла. Крабового мяса она терпеть не могла. Однажды мама купила его со скидкой на исходе срока годности, и это был неудачный эксперимент: Черри полночи рвало в ванной. Она и сейчас почуяла этот особенный рыбный душок, но продолжала держаться. Перед ней поставили кокотницу с мягким воздушным суфле, которое так и просилось, чтобы она вонзилась вилкой в его набухшую шапочку. Черри тянула, сколько могла. Но только когда все получили свои порции и приступили к еде, она взяла маленькую вилочку, подцепила мяса меньше, чем у нее получилось бы ложкой, и робко попробовала. Черри с трудом подавила рвотные позывы. Она с досадой подумала, как же дотерпеть до конца ужина, чтобы и ее не стошнило, и не обидеть хозяйку. Она сделала паузу и глотнула вина, потом медленно взяла вилкой очередную порцию, но Лора заметила, что ей дается это с трудом.

– Ты не любишь морепродукты?

Черри хотела было сказать, что все в порядке, но сдалась.

– Не особенно. Извините.

– О, ну что ты, тогда не ешь.

– Извините... – повторила Черри смущенно. – Мне от них... нездоровится.

– Мне так жаль, – извинилась Лора и встала, чтобы унести ее тарелку. – Нужно было спросить заранее.

– Бедняжка, – вставил Говард.

Лора отнесла тарелку в кухню.

– Моисею достанется.

– Это наш кот, – пояснил Дэниел.

– А по-моему пальчики оближешь, – сказал Говард, выскребая последнее из кокотницы, когда вернулась Лора.

– Очень вкусно, мам, – сказал Дэниел.

– Рада, что вам понравилось. – Она доела свою порцию и посмотрела на нее с сожалением. – Извини, Черри.

Лора была так добра, а Черри сгорала со стыда. У нее громко заурчало в животе, и она сильно втянула живот, чтобы никто не заметил.

– Ты же голодная! – сказал Говард. – Может, дадим ей что-нибудь другое?

– Я в порядке, честно.

– Ты уверена? – подхватила Лора. – Я себя так чувствую, как будто я тебя отравить

пыталась! Может, хочешь дыни? В холодильнике, кажется, осталось немного паштета.

– Я однажды отравился мидиями, – сказал Говард. – С тех пор видеть их не могу.

Черри хотела, чтобы они просто перестали говорить об этом. Дэниел под столом утешающе положил ей руку на ногу.

– Спасибо, папа, но думаю, никому не нужно об этом напоминать.

С кухни донеслось мяуканье. Лора встала.

– Моисей, – позвала она. – Ты еще голодный? – он громко мяукнул в ответ и, прискакав в комнату, стал тереться о ее ноги.

Черри посмотрела на кота с сильной неприязнью. Она понимала, что это ее разыгравшееся воображение, но казалось, даже кот настроен против нее из-за этого суфле. Все, кроме нее, были в восторге от проклятого суфле. Почему ей не могло понравиться суфле? Остальным нравилось.

– На горячее – филе-миньон с жареным картофелем? Пойдет? – деликатно уточнила Лора у Черри.

Черри ответила ей натянутой широкой улыбкой.

– Звучит замечательно.

– А на десерт что, мам? – спросил Дэниел.

– Я все думала, когда же ты спросишь. – Лора улыбнулась. – Ты, наверное, не хуже меня знаешь о пристрастии Дэниела к шоколаду, да, Черри?

Черри снова растянула губы в улыбке, которая, как лучина, поддерживала затухающий разговор. Нет, она не знала.

– Приходится прятать конфеты, когда он дома, – сказала Лора.

«*Да неужели, ха-ха-ха*», – подумала про себя Черри.

– Ты будешь рад узнать, что на десерт... шоколадно-фисташковая маркиза.

Дэниел приобнял мать.

– Ты мой герой!

– Пойдет? – спросила Лора у Черри.

Та даже не знала, что такое эта маркиза.

– Конечно, замечательно, – ответила она.

– И о чем я только думал, когда решил съехать, – сказал Дэниел, и Черри кольнуло беспокойство.

У нее были планы на Дэниела, когда тот переедет в свою квартиру. Она подняла глаза на него и с облегчением поняла, что он шутит. Но было видно невооруженным глазом, какие хорошие у них с Лорой отношения. Очень хорошие. Непостижимая для Черри концепция – близость с собственной матерью, и их непринужденный разговор сбивал ее с толку. Она представила себе подобную близость со своей матерью и тут же поморщилась от отвращения. Между ними не всегда было так. Они были близки, когда Черри была маленькой. В детстве она обожала Венди, но чем старше становилась, тем сильнее стеснялась ее, такую мать, которая работает в супермаркете и живет такой ограниченной жизнью. А Венди была любвеобильной, как щенок, вечно бегала за Черри в надежде стать частью ее жизни, и этим только все портила. Черри чувствовала себя виноватой и думала иногда, что если бы Венди просто вlepила ей пощечину и сказала, как отвратительно та себя ведет, все стало бы намного проще. Мысли о Венди еще сильнее испортили Черри настроение. Она попыталась выбросить их из головы и наслаждаться стейком и десертом, на поверку оказавшимся нарядным шоколадным муссом.

– Так когда моя пещера вернется в мое распоряжение? – спросил Говард, подливая всем вина.

Дэниел засмеялся.

– Вчера папа приходил, чтобы поплавать в бассейне, – объяснил он. – Нам и вдвоем вполне хватило места, – сказал он отцу.

– Твой гребок никуда не годится. Расплескал больше воды, чем осталось в бассейне.

– Тебе просто не нравится, что я тебя обогнал.

– Я уже привык к тому, что тебя вечно нет. Черри, жаль, что ты и вчера не смогла его отвлечь.

– У Черри были другие планы, – сказал Дэниел.

– Да, – согласилась она.

Все посмотрели на нее. Она так мало говорила за ужином из-за волнения и скованности, что теперь было странно чувствовать на себе всеобщее внимание. Она отвечала односложно не для того, чтобы показаться загадочной, но сейчас вдруг поняла, что это еще может сыграть ей на руку.

– Что-нибудь интересное? – спросила Лора.

Черри приняла смущенный вид, будто не хотела придавать событию особого значения.

– У меня был день рождения. Я провела вечер со своей матерью.

Дэниел удивленно откинулся на спинку стула.

– Ты мне не говорила! – Он обхватил ее лицо обеими руками и поцеловал. – С днем рождения!

Она скромно улыбнулась.

– Спасибо.

– Какая прелесть! – воскликнула Лора. – Прими наши поздравления с прошедшим.

Черри осталась довольна их реакцией. И никто не сможет обвинить ее в том, что она предупредила Дэниела заранее, чтобы выклянчить дорогостоящий подарок. Однако втайне она понимала, что его неизбежное чувство вины перед ней за то, что проморгал такое важное событие, возможно, принесет еще более весомые плоды. Говард успел сходить на кухню и вернулся с бутылкой шампанского и четырьмя бокалами в руках, держа их за ножки вверх дном. Черри удовлетворенно отметила, что это была розовая «Вдова Клико».

– Это надо отпраздновать, – заявил Говард. Он раздал всем по бокалу красивого розового игристого вина и поднял свой. – За Черри!

– За Черри! – подхватили Дэниел и Лора, и впервые за вечер она почувствовала себя частью происходящего.

– И чем вы занимались с мамой? – поинтересовалась Лора.

Пузырь лопнул. Черри чувствовала себя как под микроскопом. Но не рассказывать же им о часе неловких разговоров в душной квартире, о попытках увернуться от раскладного дивана и о придуманных отговорках, чтобы поскорее уйти. Все смотрели на нее, улыбаясь, и ждали ответа.

– Ничем особенным.

Лора выглядела озадаченно, но снова пришла ей на выручку:

– Что ж, иногда приятно провести вечер в тишине и покое.

Черри так и раздирала досада. Ее вдруг переполнило резкое желание уйти, перевести дух и разобраться, что пошло не так этим вечером, которого она так ждала.

Она встала.

– Я отойду на минутку...

Лора показала в сторону холла.

– Первая дверь налево.

Черри закрылась на замок и сползла на пол. Почему у нее не получалось быть с ними на равных? Вчерашние слова матери звенели у нее в ушах. *Они не похожи на нас. Они богатые, у них другой образ жизни, что мы о них знаем?*

Вдруг она права? Весь вечер оказался чередой невыносимых, напряженных, неловких ситуаций. Совсем не так она это себе представляла. Она рисовала себе, как у них завяжутся приятельские отношения с Лорой, как с первого слова у них найдутся общие темы. Может, они обменяются парой шуток, может, она даже помогла бы Лоре на кухне. Черри даже успела вообразить, что Лора сможет заменить ей мать, возьмет под свое крыло в вопросах моды и станет для нее той матерью, о которой она всегда мечтала. Ей была ужасно стыдно за эти девчачьи фантазии. Как так вышло, что весь вечер она провела, чувствуя себя хуже их, недостойной их? Унижение переросло в негодование, и Черри сердито потянула смыв унитаза и открыла кран на случай, если ее подслушивали. Раздавленная разочарованием и неудачей, она хотела домой. Как она могла надеяться сбежать от прежней жизни, если она даже не могла поддержать разговор с теми, у кого была другая зарплата? Черри сделала глубокий вдох и открыла дверь ванной. В холле было пусто. Вернувшись в столовую, она обнаружила, что все вышли из-за стола. Говард куда-то пропал, а Лора и Дэниел стояли к ней спиной и смотрели в ноутбук. Лора любовно приобняла Дэниела за плечи, и Черри не могла отвести глаз. Эта рука казалась ей препятствием, не позволяющим приблизиться.

– Она нашла тебе замечательное место, – сказала Лора.

Они смотрели фотографии квартиры. Она что, услуга, наемный персонал, пригодный только для того, чтобы найти жилье ее сыну? Едва подумав так, Черри сразу же поняла, что ведет себя неразумно, но ей было все равно. Она присоединилась к ним. Потом она намеренно положила свою руку Дэниелу на пояс и стала поглаживать его по спине. Он повернулся к ней и улыбнулся. Она уловила удивление Лоры, и та быстро отняла свою руку.

– Место хорошее, да, – согласилась Черри. Не отрывая глаз от монитора, она улыбнулась про себя, не убирая руки с ее законного места, и испытала чувство глубокого удовлетворения.

Пятница, 13 июня

После ужина у кухонной раковины громоздились тарелки, стаканы и сковородки – гастрономические руины прошедшего вечера. Посудомоечная машина давно прекратила урчать. Лора загрузила первую порцию посуды уже несколько часов назад и не могла заставить себя взяться за остальное. Тарелкам придется подождать до утра, когда придет миссис Мор. Лора сидела на садовых качелях, отталкиваясь ногой от земли, и размышляла о минувшем вечере. Черри показалась ей приятной, разве что очень тихой. Лора понимала, что девушка нервничала, но ее было так тяжело вовлечь в разговор... Она буквально замкнулась в себе, когда речь зашла о дне рождения и ее матери. А потом еще этот странный жест под конец вечера. Рука на спине. Как будто она обозначила свое право на Дэниела, как будто это было соревнование. Но нет... Глупо было так думать, и Лора корила себя за одни мысли. Просто она вся испереживалась, бедная девочка. Немного погодя Дэниел предложил проводить ее домой, и от Лоры не укрылось, как не терпелось им уединиться и провести немного времени вдвоем, и она улыбнулась. Дэниел отвез Черри обратно в Тутинг, а перед отъездом дал понять, что не стоит ждать его возвращения. А когда они уехали, Говард опять скрылся в своем кабинете. Даже Моисей ушел на свой вечерний кошачий променад, и она осталась наедине со своими мыслями.

Ветер прошелестел в верхушках деревьев на краю сада, и Лора поежилась. Впервые за неделю жара спала. Заметив, что замерзла, она вернулась в дом и закрыла за собой раздвижные двери.

Лора лежала в постели и пыталась уснуть, но сон все не шел. Шторы раздувались под порывами ветра, слышался первый раскат грома. Наконец подступала гроза, которую уже заждались. Хлынул дождь и забарабанил по стеклу неровной стихийной дробью, а ветер задиристо разметал его потоки в разные стороны. Лора встала, собираясь закрыть окно, и в этот момент в небе полыхнула молния. Она осветила сад и большое непрозрачное окно, сверкающее под каплями дождя. Лора услышала тихое мяуканье. В следующем всполохе она заметила Моисея, который сидел на улице и ждал, когда его впустят.

– Ах, Моисей, – ахнула она устало и быстро спустилась вниз. Она открыла ему двери, и кот шмыгнул внутрь и в знак благодарности стал тереться о ее ноги. Лора постояла с минуту, глядя на грозу, но тут ей в лицо дунул ветер с брызгами дождя, и она захлопнула дверь. Она огляделась в поисках Моисея, но он уже убежал есть свой поздний ужин, так что она махнула на него рукой и вернулась в постель.

Она лежала и смотрела в потолок. Там, над шпукатуркой, на верхнем этаже в своем кабинете сидел, погружившись в работу, Говард, и ей было грустно от того, что они совсем перестали разговаривать. Она перевернулась на бок и подумала вместо этого о Черри. Лора дала себе слово сделать для нее что-нибудь приятное. Чтобы та почувствовала себя уютнее. Может, пригласить ее куда-нибудь. Да, будет неплохо. Лора выключила свет, и комната погрузилась в темноту. Она старалась не обращать внимания на грозу, бушующую за окном, и в какой-то момент перестала это делать и уснула.

Суббота, 14 июня

На следующий день утро было свежее, а небо – прозрачное и спокойное. Улицы были умыты дождем, но утреннее солнце их обсушило. Когда Лора вышла за порог, она заметила «мерседес»-кабриолет Дэниела, который вывернул из-за угла и подъезжал к дому. Она подошла к воротам и помахала ему рукой, а когда машина подъехала ближе, увидела на пассажирском сиденье Черри.

– Доброе утро!

Они остановились, и Дэниел крепко поцеловал Черри. Потом он выпрыгнул из машины, и, к величайшему удивлению Лоры, Черри перебросила ноги на его половину и пересела за руль.

– Большое спасибо за прекрасный вечер, Лора, – откликнулась Черри с улыбкой, в которой не было и тени смущения с предыдущего вечера, после чего взвизгнули колеса, и она уехала.

Лора была в шоке.

– Что происходит?

– Черри едет на работу.

– Но... Но это твоя машина.

– Я одолжил ее на сегодня. Мы проспали, – объяснил он, – и я не хотел, чтобы у Черри были неприятности на работе. – Он улыбнулся чему-то своему. Теперь, когда Черри открыла для себя все прелести секса, она полюбила им заниматься, к его нескончаемой радости.

– Ну конечно.

Если откровенно, то Лора была сконфужена. Эту машину она купила Дэниелу на его совершеннолетие. Подарок должен был стать особенным, и она подошла к покупке со всей ответственностью и очень долго выбирала.

– Ты же не против, правда?

– Конечно нет! Но ты уверен, что она хорошо водит?

Дэниел рассмеялся.

– Мама, не переживай. Ничего с ней не случится. Хотя, конечно, газанула от души, – добавил он, наблюдая за Черри, которая снова выкрутила руль, сворачивая с их улицы.

– Что ж, я рада, что у вас такие доверительные отношения.

– Мам, спасибо еще раз. За все твои старания вчера вечером. Мясо было изумительное.

– Не за что.

– Ну и что ты скажешь?

– Что?

– Она тебе понравилась?

– Очень.

– Она очень волновалась.

– Я так и подумала. Совершенно зря. У вас все, кажется, серьезно?

– Надеюсь, – ответил он и развернулся к дому. – Кофе хочешь?

– Я бы с радостью, но у меня планы. Магазины и обед с Изабеллой.

Дэниел поцеловал Лору в щеку.

– Звучит заманчиво. Передавай от меня привет.

– Обязательно. – Она помахала Дэниелу, и когда он закрыл за собой дверь, пошла в сторону перекрестка, где поймала такси до Кингс-роуд.

– ...Я в восторге, – одобрила Изабелла. – Для деловой встречи подойдет идеально.

Лора опустила полосатую блузку.

– Извини, дорогая, мне нравится, правда, но почему все такое серьезное?

– Оно не серьезное.

Изабелла скривилась.

– Ладно, *вот это* несерьезно, – сказала Лора, теребя свое синее платье без рукавов.

– Допустим... – ответила Изабелла неубедительно, похожая на кошку в своем изумрудно-зеленом платье, которое подчеркивало ее блестящие рыжие волосы. – Но я к тому, что когда в последний раз ты покупала себе что-нибудь не для работы?

Лора не ответила. Они сидели в их любимом французском ресторанчике с коротким меню неподалеку от Кингс-роуд. Они приходили сюда уже не первый год, и официанты знали их любимый столик и даже то, какие блюда дня их скорее всего заинтересуют. Здесь они делились секретами, обменивались обещаниями и подставляли плечо после исповеди. Они дружили уже двадцать пять лет и рассказывали друг другу обо всем.

– Вот видишь? – сказала Изабелла и погрозила ей пальцем.

– Мы с Говардом давно никуда не выходим.

Изабелла накрыла Лорину руку своей.

– Конечно нет, он слишком занят со своей потаскушкой. Зачем ты это терпишь?

Лора сложила блузку и спрятала обратно в плотный фирменный пакет, медля с ответом.

– Разводись.

– Нет. Ему бы именно этого и хотелось.

Изабелла вздохнула. Этот разговор происходил между ними уже не в первый раз.

– А что еще?

– В каком смысле?

– Есть и другие способы развлечься по вечерам.

Лора знала, что у нее не бывало таких вечеров.

– Мы играем в бридж.

– Не считается.

– К концу рабочего дня я выжата как лимон. В пятницу вечером хочется просто остаться дома.

– Вот так причина отказаться от всего на свете.

Изабелла не до конца понимала, почему Лора продолжает работать. Только дело было не в деньгах, Лоре просто нравилось то, что она делает. Ее успех в индустрии с такой беспощадной конкуренцией поднимал самооценку. А главное, это было ее дело. Она работала на телевидении, когда ей было двадцать, помощником сценариста, потом она вышла замуж за Говарда, потом, вскоре после Розы, появился Дэниел. Пока он подрастал, о возвращении на работу не могло быть и речи, поэтому она отложила карьеру в долгий ящик. И только когда Дэниел вырос и стал уже подростком, Лора неожиданно обнаружила, что у нее появилось свободное время. Тогда она организовала собственную продюсерскую компанию. Некоторые из ее бывших коллег уже руководили драматическими отделами на разных каналах, и в нескольких письмах («Помнишь меня?») – их индустрия была неприлично тесной) она договорилась о первых важных встречах, а потом получила еще

более важный первый заказ. С тех пор прошло десять лет, и она все еще была на плаву, став уважаемым человеком на телевидении. Да, «БАФТА» была выиграна уже больше семи лет назад, но всем известно, как субъективны эти награды и как подчинены тенденциям. Сегодня на пике популярности была одна комедиантка, которая стала сниматься и в драме, и любой проект с ее именем в заявке получал зеленый свет и мог надеяться на награды. Через пару лет ее сменит кто-нибудь другой. То, что казалось ей непреодолимым препятствием, когда она растила Дэниела, в работе оказалось как нельзя кстати: прицельность, без которой успех невозможен, и долгий, упорный труд. Ее работа стала ее другом, когда Дэниел уехал учиться, а Говард стал пропадать на гольфе. Она и помыслить не могла о том, чтобы все бросить.

Она улыбнулась Изабелле.

– И куда бы я себя тогда дела?

– Поверь мне, дорогая, ты быстро что-нибудь придумала бы, – она игриво наклонилась поближе. – Ты разве не скучаешь без этого?

Лора засмеялась, но Изабелла упрямо ждала ответа.

– Ну, не знаю, наверное, скучаю.

– У меня есть идеальный кандидат. Я вас познакомлю. Ничего особенного, ты просто придешь на ужин, там будет компания людей, и я посажу вас рядом.

– Кто он?

– Ты его не знаешь.

Перспектива светских разговоров с посторонним человеком казалась Лоре не более привлекательной, чем поход к зубному.

– Нет, спасибо. Тогда я буду ничем не лучше Говарда.

– Ой, да ладно тебе.

– Нет, я серьезно. Да и потом, – сказала она интригуяюще, – не у меня сейчас на уме романтика...

Изабелла подалась вперед.

– А у кого?

– Он просто без ума от нее. Очень может быть, что у них все серьезно...

Иззи на радостях захлопала в ладоши.

– Неужели Дэниел?

Лора кивнула.

– Как! То есть, все наши великие планы коту под хвост?

– Разрушены подчистую.

Их дети росли вместе с самых пеленок. Лора и Изабелла вместе посещали сначала курсы для беременных, потом игровые группы, занятия с личным тренером – что бы ни было у них в расписании на этой неделе, – а Бриджит и Дэниел лежали в это время на соседних одеялах и гремели друг у друга под носом погремушками. Подруги всегда шутили, что их дети должны пожениться.

– Вчера вечером мы с ней познакомились, – сказала Лора.

– Как ее зовут?

– Черри.

– А настоящее имя?

– Поумерь свой сарказм. Она очень милая девушка.

– А работа у нее есть?

– Она агент по недвижимости. Стажер.

– Ясно.

– Всем нам нужно когда-то стажироваться, Иззи.

– Ну конечно.

Лора засмеялась:

– Ты же не расстраиваешься всерьез из-за того, что наши махинации ни к чему не привели? Бриджит еще найдет себе хорошего парня.

Изабелла со вздохом отмахнулась.

– Знаю, знаю. Расскажи мне еще что-нибудь. Откуда она, эта... Черри?

– Она живет в Тутинге.

– В Тутинге?

В ее голосе не слышалось энтузиазма.

– Изабелла Радд, ты – сноб. Я лично слышала, что там полно отличных индийских ресторанов.

– Дорогая, на Гоа тоже. И я бы предпочла жить на Гоа. И давно они встречаются?

– Неделю.

Брови Изабеллы поползли вверх.

– Неделю? И он уже влюблен?

– Ну, он не говорил этого прямым текстом, но они каждую свободную минуту проводят вместе. Этим утром он даже подвозил ее на работу. То есть, она поехала на работу на его машине.

Изабелла нахмурилась.

– Не поняла. Она что, раскатывает по городу на его «мерседесе»?

– Она поехала на нем на работу. И скорее всего, припарковала машину, когда приехала.

У Изабеллы был беспокойный вид, и Лора улыбнулась.

– Что?

– Ничего...

– Ну же, я вижу, что ты хочешь что-то сказать...

Изабелла пожала плечами.

– Да просто... Ты же понимаешь, она из Тутинга, он отсюда, из Южного Кенсингтона... Это полярно противоположно... И она как-то слишком быстро привязала его к себе.

Лора разинула рот.

– Ты же не хочешь сказать... Нет! Боже, Иззи, ну у тебя и воображение. Ты бы мне пригодилась среди сценаристов.

Изабелла рассмеялась.

– Ну ладно, ладно, извини. Я просто переживаю за своего увы-не-будущего-зятя.

– Я тут подумала, не пригласить ли ее к нам на виллу. На следующей неделе, когда мы с Дэниелом уедем.

– В Сен-Тропе? – удивилась Изабелла.

– Да. Чтобы она почувствовала себя членом семьи.

– Это же твое личное время. Единственные две недели в году, когда ты позволяешь себе расслабиться.

– Знаю, но она приедет не на две недели. Я подумала, она могла бы присоединиться к нам с Дэниелом на выходные, например. И вы с Бриджит будете по соседству, будет здорово.

– Звучит заманчиво, дорогая. И я с ней заодно познакомлюсь.

– И веди себя хорошо, – предупредила Лора строго.

– Естественно! – Изабелла улыбнулась. – Я просто ревную. Я ведь уже спланировала свадьбу.

Понедельник, 16 июня

– Нил, извини, у тебя найдется минутка?

Как только Черри приехала на работу, она первым же делом направилась к своему начальнику.

Он повернул к ней голову с аккуратной стрижкой и увидел расстройство на ее лице.

– Конечно. Можем отойти в кабинет...

Черри кивнула и следом за Нилом пошла к отдельному кабинету в дальнем углу их офиса. Это было небольшое, со вкусом обставленное помещение, где проводились переговоры с клиентами, которые предпочитали обсуждать нюансы своих сделок с недвижимостью в укромной обстановке. Черри чувствовала на себе горячие от любопытства взгляды Эбигейл и Эмили, смотрящих им вслед, но не могла поднять глаз из страха разрыдаться.

– Садись, – Нил кивнул на коричневое кожаное кресло. Она присела на краешек, ее начальник начал волноваться, гадая, что за проблему она собирается на него излить. Он сел рядом с ней на стуле, и она обратила внимание, как блестят его туфли. Нил не сам начищал их до такого блеска, он платил за эту услугу, развалившись в высоком кресле с чашкой капучино и «Файненшл Таймс» в руках, не замечая согнувшегося у его ног человека. – Что у тебя стряслось?

Она подняла на него глаза. Сделала глубокий вдох, сдерживая слезы, и только потом заговорила.

– Моя бабушка... Она заболела. Очень сильно. Я хотела попросить пару отгулов... чтобы проведать ее.

– О, ну конечно, – воскликнул Нил с видимым облегчением, видимо, радуясь, что дело не в каких-нибудь женских проблемах. – Когда ты уезжаешь?

– В пятницу. – Черри заметила, что он поколебался. – Я понимаю, что Эбигейл и Эмили уходят в отпуск в это же время... – Она беспомощно умолкла.

Нил немного поразмыслил и решил ее успокоить:

– Ничего страшного. Возьмем временного сотрудника. Сколько дней тебе нужно?

– Я ненадолго, проведу ее и обратно. Просто она за границей... Дорога тоже отнимет время.

– Где она живет?

– Во Франции. Я уже посмотрела расписание рейсов, и если вылетать в пятницу, я успею вернуться во вторник утром.

– Хорошо. Как-нибудь справимся.

Черри облегченно вздохнула:

– Спасибо. Ты и представить не можешь, как это важно для меня. Мы с ней очень близки.

Нил сочувственно закивал.

– Надеюсь, с ней все будет в порядке...

На глазах у нее набухли слезы.

– Я тоже. У нее рак. Только что обнаружили. Готовят к химиотерапии.

Судя по его виду, он уже пожалел, что спросил.

– Сочувствую.

По щеке скатилась слеза, и она смахнула ее с храброй улыбкой.

– Это очень много для меня значит – успеть навестить ее. Я гарантирую, она тоже будет очень признательна тебе за эту возможность.

Он скромно отмахнулся от ее слов.

– Не стоит благодарностей, честное слово.

– Il est un merveilleux patron.

– Что?

– «Он замечательный босс», – Черри высморкалась. Улыбнулась. – Вот так бы она сказала.

Нил расправил галстук.

– Что ж, чем могу... – Он прицокнул языком, встал и понимающе склонил голову. – Дать тебе минутку?

Черри благодарно кивнула. Он положил руку ей на плечо и двинулся к выходу.

– Bonne chance, – сказал он, и Черри снова кивнула.

Когда Нил закрыл за собой дверь, Черри подождала немного и громко высморкалась на случай, если он все еще был поблизости. Замерла. Прислушалась. Тихо. Черри улыбнулась. Она едет во Францию! *На Лазурный Берег!* Она так обрадовалась, когда пришло приглашение, а потом вспомнила, что две курицы из ее офиса уже застолбили это время для своих отпусков, и Нил ни за что не отпустил бы и после них. Это было так нечестно. Ей в жизни не выпадало такой возможности. Почему она должна отказать Дэниелу только из-за того, что у этих двух нашлись деньги, чтобы забронировать двухнедельную поездку на Ибицу?

Она едет во Францию! Где у ее парня была собственная вилла! Строго говоря, вилла принадлежала его родителям, но это мелочи. Ведь это когда-нибудь изменится. Черри поздравила себя с хорошим выбором, тешась этим открытием и смакуя его.

Потом она встала, оправила юбку и приняла позу безмятежного мужества, после чего вернулась на свое рабочее место.

Пятница, 20 июня

Лора поправила цветы в вазе в комнате Дэниела, которая на время станет комнатой Дэниела и Черри. Прованс славился своими весенними цветами и маковыми полями, раскинувшимися вдоль дорог, и она нарвала большие охапки заодно с пахучими ветками ярко-желтой жимолости. Постель была убрана покрывалом с хрусткой ажурной вышивкой, и Лора окинула взглядом результат, довольная собой. В холодильнике была еда и остывала бутылка вина, дожидаясь их приезда уже – Лора посмотрела на часы – минут через двадцать.

Их вилла была традиционным домом в стиле «прованс». Лора прошлась по ней, проверяя, чтобы все было чисто и гостеприимно. Не найдя ни в чем изъянов, она вышла на залитую солнцем террасу, откуда был виден весь полуостров Сен-Тропе. Она обвела взглядом сверкающие белые яхты, которые казались лишь мелкими горошинами с этого расстояния, одни были пришвартованы, другие мягко покачивались на ветру. Здесь Лора всегда чувствовала себя свежее. Лондонский дом принадлежал Говарду, а этот – был ее личной тихой гаванью, где всегда можно было укрыться, когда домашняя жизнь накрывала ее с головой. С выхода на работу она выбиралась сюда всего на пару недель в году, но всякий раз ей казалось, будто она возвращается к старому другу. И особенно она была рада оказаться здесь именно сейчас, потому что буквально в день ее отъезда их лондонский сосед начал строительные работы. Они тоже взялись за расширение подвала, и шум от экскаватора был оглушающим и сотрясал весь дом, а строители уже успели задеть их электролинию. Лора села на самолет, и как будто гора с плеч свалилась. Можно было подумать, что весь Кенсингтон стал разрывать свои участки и превратился в лабиринт туннелей и просторных подземелий. Лора воображала, как однажды этот кусок Лондона возьмет и провалится в один большой котлован.

Хоть на две недели, но она сбежит от всего этого. И Дэниел тоже был рад приехать. Лора понимала, что ему нужно заниматься учебой, а с такой какофонией за окном это едва ли возможно. Черри останется с ними до вечера понедельника, и у Лоры были на нее большие планы. Она хотела поводить ее по окрестностям, познакомиться поближе и сделать все, чтобы Черри почувствовала себя как дома. Со стороны подъездной дорожки слышался шорох колес по гравийке, и Лора двинулась к парадному входу дома, широко распахивая перед ними двери. Дэниел припарковал взятую напрокат машину и уже доставал сумки из багажника. Лора распростерла руки и подошла обнять Черри.

– Добро пожаловать! Как я рада, что тебе удалось отпроситься на работе!

– А я как рада, – ответила Черри.

– Проходи. Устала с дороги? Выпьешь чего-нибудь?

Был ранний, изумительно теплый вечер. Черри окинула взглядом виллу. Ставни и окна были распахнуты, и белоснежный хлопковый тюль цеплялся за оконные рамы. Ей уже нравилось все, что она видела. Она не противилась, когда ее повели внутрь и стали хлопотать над ней. Черри оценила просторные комнаты с большими открытыми каминами и кухню в деревенском французском стиле со столами из гладкого тикового дерева. Она взяла протянутый ей стакан лимонада со звенящими кубиками льда.

– Как ты долетела? – поинтересовалась Лора.

– Спасибо, хорошо.

Черри увлеченно глазела по сторонам и не особенно участвовала в вежливом диалоге с Лорой. Разглядывая кухню, она заметила прямо над собой поразившую ее картину – яркое масляное полотно с красными пятнами крыш вокруг песочного цвета площади на фоне яхт в лазурном море.

– Какая красивая картина! – воскликнула она.

– Очень красивая, – согласилась Лора. – Кисти местного художника.

– Это Сен-Тропе?

– Да. Здесь столько замечательных художников, но этот – лучше всех. У нас можно найти еще несколько его работ.

– Моя самая любимая висит на лестнице, – сказал Дэниел, подходя сзади, и обнял Черри. – «Les Pins».

– Сосны. Звучит замечательно.

Дэниел перевел взгляд на картину.

– Удивительно, правда? Мне всегда нравился этот художник. У нее хороший вкус, да, мам? Они сейчас стоят приличных денег, он добился большого успеха. Обожаю его картины. Когда-нибудь даже, может, куплю себе что-нибудь из его работ, если представится возможность. На большинстве из них всегда стоит пометка «продано».

– Хочешь посмотреть двор? – спросила Лора.

Следом за хозяйкой Черри вышла через широкие стеклянные двери на террасу и не поверила своим глазам. За большим, искрящимся бассейном открывался вид на синее Средиземное море, которое простиралось до самого горизонта и сливалось с бледным небом, так что дух захватывало. Стены сада были усыпаны красной геранью и манили обещаниями о том, что можно увидеть за ними. Черри подошла и наклонилась, чтобы лучше рассмотреть. Далеко внизу стелились красные крыши Сен-Тропе, которыми она только что любовалась на картине. И яхты! Столько яхт! Ничего подобного она в жизни не видела.

– Вид отсюда так себе, – сказал подошедший к ней Дэниел.

Черри захлопала глазами. Лишенная дара речи, она рассмеялась.

– Позже можем сходить погулять, – предложила Лора воодушевленно. – Мы покажем тебе окрестности. А на ужин нас ждет к себе Изабелла.

– Мамина старая подруга, – пояснил Дэниел. – Бриджит тоже здесь?

– Да, – ответила Лора. – Бриджит – это дочь Изабеллы, – уточнила она для Черри.

Черри вежливо улыбнулась.

– Надеюсь, у тебя хорошая выдержка, – сказала Лора. – У меня столько планов. Ты наверняка захочешь погулять по виноградникам, там, на холмах, такая красота. И, разумеется, небольшая экскурсия по деревне, она считается одной из самых живописных во Франции. Еще можно сходить на пляж, и я подумала, вдруг ты захочешь проехаться по побережью к Каннам? В общем, здесь всегда найдется, чем себя занять, только выбирай.

Черри слушала с улыбкой, внутренне желая, чтобы Лора наконец умолкла. Она точно не собиралась все выходные проводить в компании матери своего парня.

Первым мероприятием для нее стал ужин на вилле Изабеллы в самом Сен-Тропе. У Черри едва хватило времени принять душ и переодеться, и целых девять минут было потрачено на решение мучительного вопроса, что надеть. Как одеваются богатеи – нарядно или дорого и повседневно? Черри не знала, поэтому в итоге остановила свой выбор на умеренно простом (и дешевом) хлопковом платье. Она не могла позволить себе больших трат

на гардероб для отпуска, а это платье купила себе еще в Австралии. Черри надеялась, оно не будет смотреться выцветшим.

От внимания Черри не ускользнуло, что Изабелла, открыв им дверь, первым делом посмотрела на нее, хотя словами она в это же время приветствовала своих друзей.

– О, мой милый мальчик! – Изабелла крепко обняла Дэниела. – Я не вижу тебя месяцами, а ты берешь и вываливаешь такой замечательный сюрприз мне на голову. – Она бросила взгляд на Черри и лучезарно улыбнулась. Женщина вела себя дружелюбно, но ее взгляд был определенно оценивающим и samozабвенно любопытствующим, решила Черри.

– Бриджит ужасно расстроится...

Дэниел рассмеялся.

– Для этого она слишком разборчивая.

– Глупости. Но сделанного не воротишь, к тому же вы прекрасная пара. И я так рада познакомиться с тобой, Черри.

– Взаимно, – ответила Черри, хотя и не поверила в шутливость ее причитаний.

Ей вовсе не хотелось знакомиться с кучей чужих людей, среди которых, видимо, была девушка, у которой были свои виды на Дэниела, и Черри уже устала от постоянных натянутых улыбок. Кем вообще была эта девушка? Бывшая Дэниела? Неуверенность делала Черри уязвимой.

– Иззи, может, мы войдем? – строго спросила Лора, вздернув бровь.

Дэниел держал Черри за руку. Их отвели в сад, где ее взору предстала еще одна сногсшибательная панорама. Витиеватый бассейн-инфинити^[1] огибал холмистый склон, а за ним было море, чью голубую лазурь то и дело взрезали брызги тихих волн. У бассейна лежали две стройные девушки.

– Посмотри, кто пришел, Бриджит, – позвала Изабелла, и смуглая брюнетка радостно взвизгнула и вскочила с лежака. Ее маленькая упругая грудь подпрыгивала в бикини, и, заметив это, Черри напряглась. Бриджит подошла к ним и обняла Дэниела, прижавшись грудью к его рубашке. Черри она сразу не понравилась.

– Как же я рада тебя видеть. Нам тебя так не хватало в этом году в Куршевеле! Где ты пропадал?

– На учебе, – ответил Дэниел коротко. – Так же, как и в прошлом году, и в позапрошлом. – Он взял Черри за руку. – Знакомьтесь, это Черри.

Черри придвинулась к Дэниелу и вцепилась ему в руку.

– Привет, – Бриджит обратила внимание на ее жест. – Можешь не волноваться на мой счет, мы с ним как брат и сестра.

Черри выдавила улыбку.

– Привет, тетя Лора! – Бриджит помахала ей рукой. – А это Николь, – она указала на длинноногую девицу, оставшуюся лежать на шезлонге. Та внимательно наблюдала за встречами, и это не укрылось от Черри.

Николь неторопливо поднялась и подошла к ним в темпе, который предполагал, что всем нужно смотреть только на нее и ожидать ее приближения. Она холодно поцеловала Черри в щеку и куда более тепло поприветствовала Дэниела.

– Рада встрече, – сказала она с акцентом и зазывно улыбнулась.

Она что, флиртует с ним? Черри огляделась по сторонам, не заметил ли этого кто-нибудь еще, но Изабелла разговаривала с француженкой средних лет, судя по всему, поварихой, а Лора только что вышла из дома с подносом напитков в руках. Бриджит

вернулась к своему лежаку и приняла красивую позу, ложась под лучи вечернего солнца.

– Напитки? – позвала Лора, и Черри взяла с подноса пиво. Следом за Дэниелом она подошла к пустым шезлонгам у бассейна и неловко села, поглядывая на довольную физиономию Николь, рядом с шезлонгом которой оказался Дэниел. Лора с Изабеллой стояли у стола в глубине сада и увлеченно сплетничали. Черри опустила глаза на свое платье и вдруг заметила нитку, поползшую у колена. Чтобы не заметили Николь и Бриджит, она решила не вытягивать ее.

– Как твои дела? – спросил Дэниел у Бриджит. – Нашла себе работу?

Бриджит приподняла очки и усмехнулась.

– Издеваешься, – после чего опустила очки обратно на глаза и откинулась в шезлонге, поднимая лицо навстречу солнечным лучам. Они золотили ее смуглую кожу и темные волосы.

– А ты, Дэниел? – Акцент Николь действовал Черри на нервы. – Чем ты занимаешься?

– Врач-практикант.

– Врач! – она смерила его восхищенным взглядом, и Черри закипела от злости. Как она могла вести себя так откровенно? Разве ей не было неловко быть в бикини при первом знакомстве с женщиной? Неужели все из-за денег? Неужели они вселяют такую непоколебимую уверенность? Несмотря на свою неприязнь, Черри понимала, что придется изображать симпатию к ним обоим. Хотя бы в присутствии Изабеллы и Лоры.

Дэниел продолжал добиваться ответа от Бриджит:

– Ну, так нашла?

– Просто некоторые хотят попутешествовать, расширить кругозор и посмотреть мир прежде, чем связывать себя изнуряющими графиками.

– Зимой ты каталась на лыжах, летом – на яхтах. Ты вообще уверена, что покидала Европу?

– Я была на Мальте.

– Это Европа.

Черри подумала было, что Бриджит шутит, но нет, она приподняла очки и удивленно посмотрела на Дэниела.

– Серьезно? Ну, у меня с географией всегда были проблемы. К счастью, международным репортером я быть не собираюсь. А то бы я точно заблудилась.

– Главное – знать, на какой самолет сесть.

Она приподнялась.

– Правда?

– Нет.

– Знаю, ты считаешь меня бестолковой, – сказала она с улыбкой, как будто бестолковость была чертой, достойной уважения, – но вообще-то... Я найду себе работу. Ближе к дому.

– Правда? Ты действительнополнишь ряды рабочего класса?

– Я жду, когда дядя Вик найдет мне место в издательстве. Это друг семьи, – пояснила она для Черри.

– То есть, пока ничего конкретного, – сказал Дэниел.

– А вот и нет, – ответила она торжествующе. – Он уверен, что в сентябре что-нибудь подвернется.

И ведь она получит работу, мрачно думала Черри, и не подумает о тех, кто выбивался из

сил, чтобы чего-то добиться в профессии, о тех, кто был лучше квалифицирован, о тех, кто любил свое дело и знал его в десять раз лучше. Полные надежд люди останутся на обочине, а ее это даже мельком не коснется.

– Черри, а ты кем работаешь? – поинтересовалась Бриджит.

– Я агент по недвижимости.

– О, ты, наверное, часто бываешь в красивых домах.

– Часто.

Бриджит одобрительно кивнула, и больше ей ничего не нужно было говорить. Черри заметила, как она автоматически предположила, что дома будут красивыми. Может, она не знала, что существуют тесные квартиры в громоздких уродливых многоэтажках.

Николь принялась намазывать крем для загара. Она выдавила немного на ладонь и не спеша стала соблазнительно втирать его в кожу, потом полюбовалась на вытянутую перед собой руку и осталась довольна результатом. Она села и стала тереть плечи. Потянулась, пытаясь достать до низа лопаток. Бросила беглый взгляд на Бриджит, которая лежала с закрытыми глазами, а потом повернулась к Дэниелу.

– Excusez-moi, ты мне не поможешь?.. – спросила Николь, протягивая ему лосьон.

Черри разозлилась не на шутку. Дэниел помедлил, неуверенно и немного неловко, а затем показал на свою бутылку с пивом.

– У меня руки холодные, попроси лучше Бриджит, – ответил он уклончиво.

Она не попросила, отметила Черри, мелкая хитрая сучка. Только улыбнулась в ответ и легла обратно в шезлонг.

В дверях появилась француженка в фартуке, и Изабелла посмотрела в ее сторону.

– Превосходно! – воскликнула она. – Мадам Боден говорит, что ужин готов. Будем есть на улице?

Бриджит поднялась и накинула струящийся восточный халат. Николь лениво потянулась в своем бикини и ушла в дом освежиться. Бриджит пошла за ней.

– Извини, – шепнул Дэниел, и Черри с улыбкой отмахнулась, давая понять, что ее не смутит какая-то глупая француженка. Подождав, пока Николь и Бриджит скроются из виду, он спросил: – Ты в порядке?

– Да.

В сад вышли Лора и мадам Боден, нагруженные тарелками и бокалами, и Дэниел побежал помогать. Черри воспользовалась моментом и перевела дыхание. Она просто хотела быть наедине с Дэниелом, в каком-нибудь уютном ресторане, где угодно, а вместо этого ей приходилось терпеть ужин с этими людьми. Очень может быть, что рядом с Дэниелом за ужином посадят Бриджит или Николь, и Черри не знала, как переживет что одно, что второе. Ветер задрал ей юбку, и она порадовалась, что захватила кардиган. Она отошла, чтобы одеться, и заметила другой предмет одежды, развевающийся на ветру. Вещь, возможно, платье, принадлежала Николь и торчала из ее сумки. Черри посмотрела по сторонам. Дэниел и Лора ушли обратно в дом вместе с мадам Боден за посудой. Девушек нигде не было видно. Изабелла стояла к Черри спиной и бережно расставляла на столе бокалы.

Платье упало, тихо хлопнув, розовая ткань потемнела и развернулась в воде. Ветерок уносил платье глубже в бассейн, и оно приняло форму и неподвижность утопленника. Черри уже стояла у большого стола.

– Чем я могу помочь? – спросила она у Изабеллы.

Та приятно удивилась, что эта посторонняя гостья не стала ждать, пока ее обслужат, и

протянула ей вилки.

– Спасибо.

Она принялась аккуратно их раскладывать и внезапно придумала, чем лучше всего покорить эту женщину, которой не понравится, если Черри затмит ее собственную дочь. Она подавила гадкое желание сделать именно это – Бриджит явно была глупой, как пробка, затмить ее будет проще простого. Но нет, лучше она побудет учтивой, обходительной и даже робкой.

– Эй! – послышался гневный возглас, и Черри спокойно повернула голову.

– Мое платье в бассейне! – Николь сердито посмотрела по сторонам, и ее взгляд остановился на Черри.

Черри безбоязненно посмотрела на нее в ответ, зажав в обеих руках столовые приборы.

– Что такое? – спросила Бриджит.

– Должно быть, ветром сдуло, – подал голос Дэниел.

Николь пришлось возвращаться в дом, где Бриджит одолжила ей свою одежду, пока вымокшее платье сохло на ветке лимонного дерева. За ужином Черри сидела с Николь, а Дэниел – напротив, рядом с Изабеллой.

– Бедняжка, – сказала Черри тихо. – Надеюсь, платье еще можно спасти.

Тем вечером Черри и Дэниел лежали, обнявшись, на свежих хлопковых простынях. Окна их спальни выходили в сад, и, когда Черри закрывала ставни, море казалось черным. Она дожидаться не могла утра, чтобы снова их распахнуть и увидеть эту чистую синеву на пороге нового дня. Она с трудом могла поверить собственному счастью. Вилла была великолепной, место – сказочным. Остаток выходных она проведет с Дэниелом столько времени, сколько будет физически возможно.

– Еще раз извини за сегодня, – пробормотал он, сонно зарываясь ей в ухо.

– Ничего страшного.

– Ты была великолепна.

Черри улыбнулась и провела пальцами по его груди.

– Это ты...

– Что?

– Платье?

– Нет, конечно.

Дэниел открыл глаза, и она с невинным видом ответила на его взгляд.

– Как ты и сказал, ветром сдуло.

Он улыбнулся и поцеловал ее, она перекатилась на него сверху, и они продолжили целоваться.

Суббота, 21 июня

На следующий день Черри проснулась поздно. Дэниел еще спал. Она полежала некоторое время, наслаждаясь тишиной и покоем, пока Лора, чьи шаги было слышно, когда она ходила по дому, не успела атаковать их своими планами на день. Тонкими полосками пробивался из-за ставен свет, подсказывая Черри, что на улице было солнечно. Ей не терпелось встать, но в то же время не хотелось и выползть из этих стен, чтобы ее не заставили идти и смотреть достопримечательности. Она чувствовала себя в западне и досадовала на подминающее все под себя присутствие Лоры.

Рядом с ней Дэниел потянулся.

– Доброе утро. Я не храпел?

Она засмеялась и кивнула на окно.

– Нет. Готов впустить немного солнца?

– А поцеловать? – спросил Дэниел, но она уже выпрыгнула из кровати и открывала ставни, что ей так хотелось сделать еще с прошлого вечера. Ее приветствовало залитое солнцем море, и это было восхитительно.

Дэниел скривился. Она запрыгнула обратно в кровать и поцеловала его.

– Пойдем на пляж!

– На пляж, сегодня? Только... Кажется, мама хотела порадовать нас большой экскурсией по местным виноградникам, – он увидел, как она поникла и попыталась не подать виду, но безуспешно. – Ладно. Пойдем на пляж.

– Мне теперь стыдно, – сказала Черри. – Она так старалась...

Он уложил ее обратно на простыни и обхватил ее руками.

– Не глупи. Она не станет возражать.

Они занялись любовью и выползли из комнаты к позднему завтраку. Лора обрадовалась, увидев их, и засуетилась, подавая им круассаны и заваривая свежий кофе.

– Как спалось? Надеюсь, кровать понравилась. Я подумала, сегодня мы вместе могли бы отправиться на разведку... Хочешь побывать в поместье Шато Минюти? Семейство Матто-Фарне занимается виноделием уже на протяжении трех столетий, – она улыбнулась, не в силах сдержать свой энтузиазм.

– Мам, это очень заманчивое предложение, но... Мы, наверное, сегодня пойдем на пляж. Все-таки первый день отпуска.

– Ах, да. Хорошая мысль.

К ужасу Черри, все указывало на то, что Лора вот-вот захочет пойти с ними.

– Я хотела взять книги и позаниматься немного, – быстро вставила она.

– Ты тоже привезла с собой учебники? – спросил Дэниел.

– Вскоре после возвращения меня ждут риелтерские экзамены.

– Тогда, наверное, и я возьму. Будем проверять друг друга.

Этого было достаточно, чтобы вытеснить Лору, решила Черри, и действительно, та пробормотала что-то о том, что они встретятся позже, и ушла с книгой к бассейну.

Дэниел вел машину к пляжу де Пампелон, трехмильной полосе золотого песка, которая подогревала популярность Сен-Тропе с середины двадцатого века. Несмотря на то, что была

только середина июня, Дэниел настоял, чтобы они забронировали место заранее, чтобы им не пришлось слоняться по пляжу в поисках свободного места.

Приехав на место, Черри обнаружила, что под «местом» он имел в виду не столик, а лежак. Краем глаза она увидела счет на считывателе кредитных карт, когда Дэниел вводил пин-код, и глаза у нее вылезли из орбит. Восемьдесят евро за два места! И это без учета полотенец. Они взяли с собой свои – Дэниел знал здешние порядки, а Черри все равно привезла одно с собой по привычке, оставшейся с детских вылазок в Брайтон, где она, продрогшая, отсиживалась на холодных камнях после войны с жестокими серыми волнами.

Здесь море было прозрачное и бирюзовое, волны набегали на пляж с тихим плеском, будто бы выбившись из сил. Черри легла на шезлонг рядом с Дэниелом под приветливой тенью зонтика – было уже жарко. Она подняла глаза на зонт, разрисованный оранжевыми и белыми полосами, идущими по кругу, ярким пятном на фоне кристально голубого неба. Они протянулись по всей секции пляжа, оранжево-белыми пятнами, как карамельки. За перекрытием из бамбука их сменяли расцветки другого клуба, бело-синие, с рюшевой оборкой, которая трепалась на теплом ветру, и так далее, вдоль всего берега, где у каждого клуба были зонты своего цвета, вперемешку с небольшими публичными зонами, где единообразие уступало место разноцветному хаосу. На воде стояли белоснежные яхты, мягко покачиваясь на волнах. Некоторые были претенциозными, некоторые просто величественными.

– Смотри, вон Бриджит, – сказал Дэниел, и Черри поникла духом. Она подняла голову и увидела компанию, спустившуюся с моторной лодки, которая только что пристала к берегу. Они шли по пляжу, и песок налипал на их мокрые ноги. Черри заметила, что кроме Бриджит среди них была Николь и третья девушка в компании двух парней – все были молодые, загорелые, красивые и в купальных костюмах. Они подошли к ним с Дэниелом и плюхнулись на песок, опираясь на вытянутые за спиной руки. Один из парней небрежным жестом подозвал официанта и заказал напитки.

Все были представлены друг другу, и Черри порадовалось, что Николь избегала ее взгляда и села от них в стороне. Третья девушка тоже была француженкой – подруга Николь. Черри показалось, что парни встречались с этими девушками, но она не могла разобрать, кто был с кем, и ей пришлось ориентироваться на то, кто кого мазал кремом для загара и поглаживал по волосам, но ни то, ни другое не было гарантией отношений.

Они говорили о пустяках – о вечеринках, о себе, заигрывали друг с другом, парни посыпали песком плоские животы девушек. От всего этого Черри смутно ощущала себя взрослой, хотя, скорее всего, все они были ровесниками. Из разговора она поняла, что ребята проводили день на яхте отца Николь, хотя она и не знала, который из этих роскошных белых айсбергов на воде принадлежал ему. Она задумалась мельком – неужели эти люди проводят так каждое свое лето, но она уже знала ответ, так же, как и знала, что лишь подглядывает в замочную скважину за их привилегированной жизнью. Она обратила внимание, что Дэниел, хотя и вел себя вежливо, предпочитал молча лежать и просто слушать. Некоторое время спустя напитки были выпиты, и Николь встала.

– Хотите пойти с нами, посмотреть яхту?

Черри напряглась – этого она совсем не хотела, напротив, она была рада, что они, наконец, уходят. Все время, что они тут сидели, Черри чувствовала себя обязанной изображать какую-то активность или по меньшей мере следить за разговором, улыбаться и кивать в нужных местах, а ей хотелось просто почитать книгу. Но если Дэниел захочет пойти

на яхту, то и ей придется. Она дождалась его ответа и обрадовалась, когда он вежливо сказал, что, может быть, присоединится попозже. Но его друзья не хотели ничего слышать и стали тянуть его за руки, не принимая отказа. Черри осталось только выдавливать из себя доброжелательную улыбку. В конце концов они махнули рукой и, смеясь, ушли к берегу, тут же позабыв о том, как это было важно, чтобы Дэниел и Черри к ним присоединились.

– Как ты? – спросил Дэниел между делом, как будто понимал, что она чувствовала себя не в своей тарелке.

– Нормально.

– Тут так тихо.

Она хихикнула.

– Ну да.

– Почитаем?

– Я как раз хотела предложить.

И они устроились на своих шезлонгах – он с книгой про велоспорт и она с чем-то классическим. Перед тем как открыть книгу, Черри посмотрела в небо. Ей нравилась его необъятность и то, как загибалась земля, если смотреть на горизонт. Это вселяло в нее чувство, что у нее есть свое место в этом мире и она может увидеть все вокруг в перспективе. Эта незыблемая синева насыщала ее силой и вселяла умиротворение, и она немного понежилась в этих ощущениях и стала читать. Вскоре ее веки отяжелели и стали слипаться.

Она проснулась от прикосновения к своей ноге. Подняв голову, она увидела, что это Дэниел мажет ее лосьоном.

– Я переставил зонт, – он кивнул, – но твоя нога все равно торчала на самом солнце.

– Сколько времени? – спросила она сонно.

– Час.

– Уже?

Она проспала почти час, и солнце успело подняться высоко и палило нещадно. С улыбкой она смотрела, как Дэниел продолжал бережно наносить лосьон, пробираясь все выше и выше по ноге. Он остановился на ее бедре, мыча себе под нос и как бы не замечая, где оказались его руки. Он задержался ненадолго, поглаживая пальцами ее кожу, а потом игриво улыбнулся.

– Готово.

– Спасибо.

– Не за что. Не хочешь искупаться перед обедом?

Рука об руку они пошли к морю. Добравшись до воды, она поджала пальцы в ожидании пролады, но море было сказочно теплым. Она вошла, Дэниел нырнул перед ней в волну и начал плескаться на нее, и она завизжала. Черри ответила ему, набрав в ладони воды и плеснув ему в лицо – война началась.

После обеда они снова пошли плавать, а потом вернулись к лежакам. Черри не забыла о своих словах и добросовестно достала книги по работе. Дэниел решил, что тоже пора позаниматься, и пару часов оба провели за учебниками, поглядывая друг на друга и зачитывая вслух непонятные фрагменты. Когда похолодало, Черри заявила, что проголодалась, и они пошли прогуляться по набережной в поисках еды и остановились в рыбном ресторане, где заказали только что пойманный морской язык в кляре и бутылку «семильона». Когда официант наливал ей вино, Черри заметила, что оно было из поместья

Минюти. Забавно, ведь если бы обстоятельства сложились иначе, она провела бы этот день именно там.

Домой они вернулись уже вечером. Лора сидела на кухне и ела оливки.

– А вот и вы! – воскликнула она. – Как прошел день?

Дэниел бросил пляжную сумку на стол.

– Отлично, мам, спасибо. Твой?

– Тихо. Спокойно, – поправилась Лора. – Вы, наверное, умираете с голоду. Я заказала столик. В «Le Pescadou».

– О... – протянул он виновато. – Мы уже поужинали. В Сен-Тропе.

– Но я думала...

Дэниел пытался вспомнить их утренний разговор.

– Мы разве договаривались?

– Нет, конкретно нет, я просто решила... Я сама виновата.

– Извини, мам.

Черри подумала, что нужно добавить извинений и от себя.

– Извините, Лора. Если бы мы знали...

То ли растерянность, то ли недовольство промелькнуло на лице Лоры, после чего она ответила:

– Не за что извиняться.

– Мы не подумали, – Дэниел подошел к холодильнику. – Вот что, давай я приготовлю тебе что-нибудь.

– Что ты, не стоит. – Лора встала. – Анри нас ждет. Он хочет услышать все семейные новости.

– Ты все-таки пойдешь?

– Я хочу есть, Дэниел.

– Конечно. Извини. Еще раз. Не знаю, как я не подумал. Просто Черри сказала, что умирает с голоду, и мы пошли и поели.

Не так уж она была и голодна, подумала Черри. Она просто сказала так, чтобы поужинать наедине с Дэниелом, без сопровождения его матери. Было бы правильнее, приличнее подождать, но это же один-единственный вечер, в конце-то концов. Семья и друзья уже были накануне, Лора же должна была понимать, что они захотят проводить время и наедине. Более того, подумала она раздраженно, если бы Лора перестала навязываться каждую минуту, могла бы и не остаться в одиночестве за ужином.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Бассейн-инфинити – (*англ.* infinity (edge) pool) – безграничный, переливной или безбортный – плавательный бассейн или иной искусственный водоем, в котором вода переливается через один или несколько краев, создавая впечатление, что водная поверхность не имеет границы.